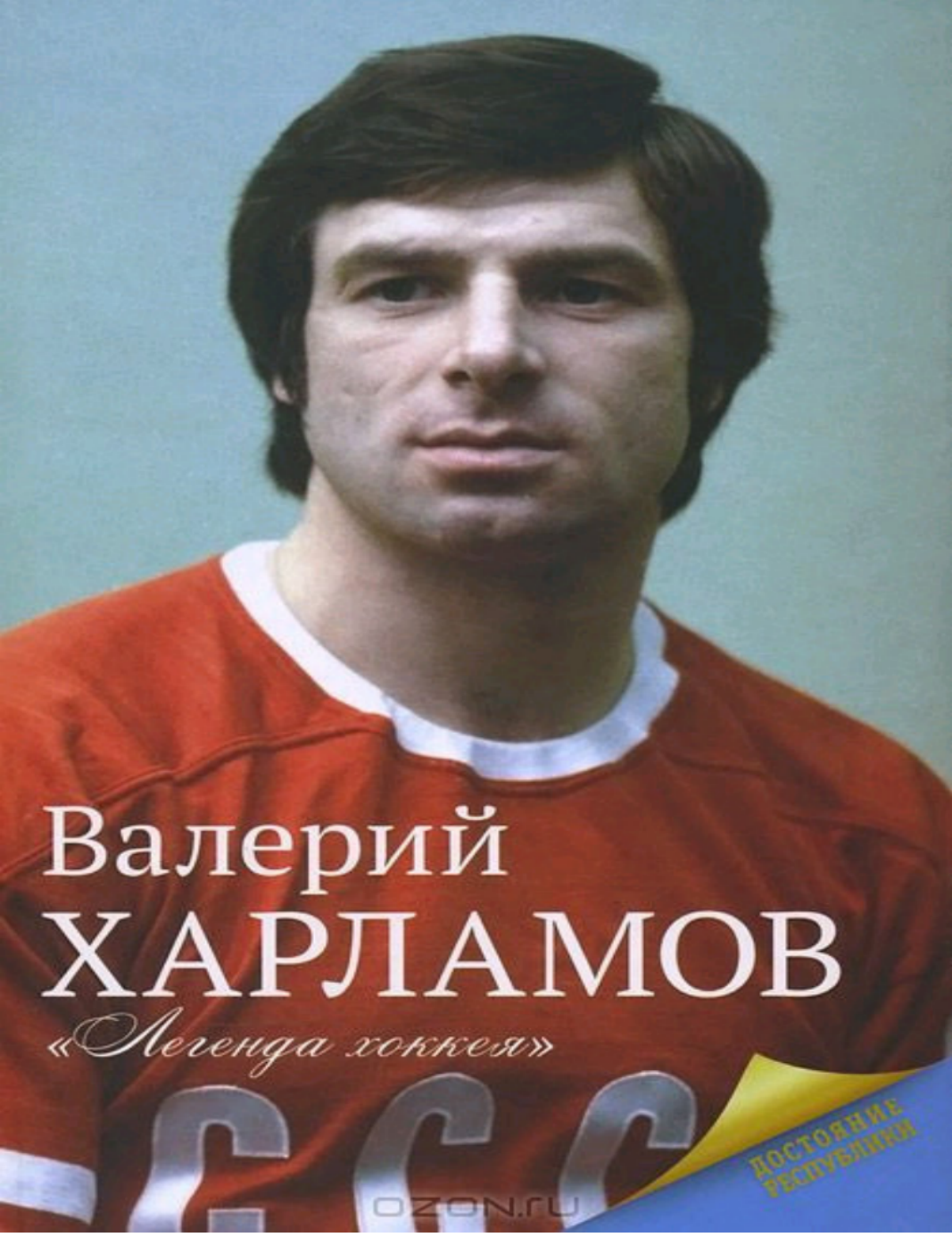
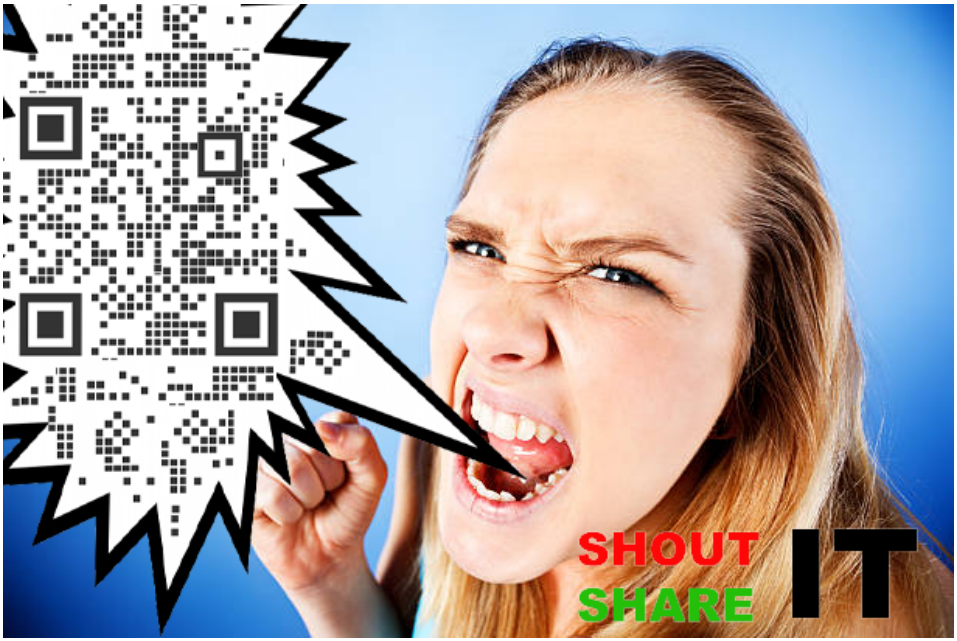

Валерий
ХАРЛАМОВ
«Легенда хоккея»
СССР
ДОСТОЯНИЕ РЕСПУБЛИКИ
OZON.ru


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Его часто сравнивали с кометой, промчавшейся по спортивному небосклону. Его называли хоккейным Пушкиным. Его обожали зрители, уважали соперники и оплакивал весь мир… Его имя было известно каждому! В серии игр СССР – Канада Харламов заставил дрогнуть прежде непобедимых канадских профессионалов. Ему предлагали миллионы, чтобы он уехал играть в Америку. И при всем этом Валерий Борисович даже не считал себя звездой… Он всегда говорил о хоккее, о тренерах, о друзьях, о болельщиках, но почти никогда о себе. Легендарный № 17. Человек, имя которого будут помнить, пока жив хоккей. Валерий Харламов.

- Харламов. Легенда хоккея
  - Введение
  - Обычные-необычные родители
  - Дмитрий Рыжков, обозреватель газеты «Советский спорт»
  - Лев Лебедев, спортивный обозреватель газеты «Правда»
  - Слабенький ребенок
  - Борис Харламов, отец Валерия Харламова
  - Борис Кулагин, заслуженный тренер СССР
  - Борис Харламов, отец Валерия Харламова
  - Детско-юношеская спортивная школа ЦСКА
  - Владимир Богомолов, мастер спорта СССР
  - Борис Кулагин, заслуженный тренер СССР
  - Виталий Ерфилов, первый тренер Валерия Харламова
  - Владимир Дворцов, обозреватель ТАСС
  - Трудная дорога в ЦСКА
  - Валерий Ерфилов, первый тренер Валерия Харламова
  - Анатолий Тарасов, заслуженный тренер СССР
  - Борис Кулагин, заслуженный тренер СССР
  - Бегония Харламова, мать Валерия Харламова
  - Владимир Богомолов, мастер спорта СССР
  - Михайлов – Петров – Харламов
  - Всеволод Бобров, заслуженный тренер СССР
  - Леонид Трахтенберг, спортивный обозреватель газеты «Московский комсомолец»
  - Борис Михайлов
  - Владимир Петров
  - Юрий Лукашин, ответственный секретарь журнала

«Спортивные игры»
- Владислав Третьяк
- Владимир Ульянов, обозреватель журнала «Спортивные игры»
- Восхождение к славе
- Олег Спасский, зам. главного редактора журнала «Советский Союз», ответственный редактор журнала «Спорт в СССР»
- Анатолий Тарасов, заслуженный тренер СССР
- Дмитрий Рыжков, обозреватель газеты «Советский спорт»
- Борис Харламов, отец Валерия Харламова
- Яков Костюковский, писатель
- Суперсерия СССР – Канада (1972)
- Лев Лебедев, спортивный обозреватель газеты «Правда»
- Юрий Цыбанев, обозреватель еженедельника «Футбол-Хоккей»
- Взлеты и падения
- Станислав Шаталин, член-корреспондент Академии наук СССР
- Леонид Трахтенберг, спортивный обозреватель газеты «Московский комсомолец»
- Анатолий Тарасов, заслуженный тренер СССР
- Олег Спасский, зам. главного редактора журнала «Советский Союз», ответственный редактор журнала «Спорт в СССР»
- Леонид Трахтерберг, спортивный обозреватель газеты «Московский комсомолец»
- Триумфальное возвращение
- Дмитрий Рыжков, обозреватель газеты «Советский спорт»
- Анатолий Тарасов, заслуженный тренер СССР
- Леонид Трахтенберг, спортивный обозреватель газеты «Московский комсомолец»
- Станислав Шаталин, член-корреспондент Академии наук СССР
- Яков Костюковский, писатель
- Последний сезон
- Олег Спасский, зам. главного редактора журнала «Советский Союз», ответственный редактор журнала «Спорт в СССР»
- Вячеслав Фетисов
- Анатолий Тарасов, заслуженный тренер СССР

- Из зарубежной прессы

Харламов. Легенда хоккея
автор-составитель Мишаненкова Е. А

Введение

Хоккей – игра не для трусливых.

Его часто сравнивали с кометой, промчавшейся по спортивному небосклону.

Его называли хоккейным Пушкиным.

Его обожали зрители, уважали друзья и соперники и оплакивал весь мир…

В 70-е годы его имя было известно всему Советскому Союзу… La что там Советскому Союзу – всему миру! В серии игр СССР – Канада оно прогремело так, что заставило дрогнуть прежде непобедимых канадских профессионалов.

Ему предлагали миллионы, чтобы он уехал играть в Америку.

И при всем этом он даже не считал себя звездой… Он всегда говорил о хоккее, о тренерах, о друзьях, о болельщиках, но почти никогда о себе.

Легендарный № 17. Человек, имя которого будут помнить, пока жив хоккей.

Обычные-необычные родители

Хоккей – моя стихия, счастливое увлечение; эта искрометная темпераментная игра неиссякаема, как неиссякаема в человеке жажда соперничества и самоутверждения. Шайба снова в игре, снова вскипают страсти, снова скорости кажутся уже неподвластными хоккеистам, снова летит на тебя защитник, и ты знаешь, что уступить ему не имеешь права: ведь «трус не играет в хоккей». И игра эта торжествует, живет, влечет миллионы мальчишек, мечтающих встать рядом с нами, прийти к нам на смену.

Валерий Харламов родился в Москве в ночь с 13 на 14 января 1948 года.

Но прежде чем начинать рассказ о нем, обязательно надо вспомнить его родителей, которые не только вырастили сына-чемпиона, но и сами по себе были людьми неординарными.

Отец Валерия, Борис Сергеевич Харламов, был слесарем-испытателем на московском заводе «Коммунар», куда пришел в возрасте четырнадцати лет. Что поделать, на дворе был 1941 год, к станку становились дети и младше него. Происходил он из старой рабочей семьи, переехавшей в Москву из Коломны, держал голубей, гонял на мотоцикле, любил спорт и даже играл за заводскую сборную в хоккей с мячом.

Однажды на танцах в клубе завода «Коммунар» Борис встретил стройную смуглую девушку, работавшую токарем-револьверщицей. Пригласил ее на танец, потом на свидание, а через год они поженились, и у них родился сын, Валерий.

Романтично, но банально? Как бы не так! Ведь смуглая красавица была испанкой, а если точнее – басконкой из города Бильбао. Звали ее Кармен Ориве Абад, а друзья называли Бегонией. В июле 1937 года ее в числе сотен других испанских детей отправили в Советский Союз, чтобы спасти от ужасов гражданской войны, в которой ее родители, испанские коммунисты, сражались с фашистским режимом Франко.

Дмитрий Рыжков, обозреватель газеты «Советский спорт»

Ориве Аббад Хермане – таково полное имя матери Валерия, но она просит называть ее Бегония. Так звали ее в Испании, откуда она девочкой была привезена в Советский Союз в конце тридцатых годов, когда на Пиренейском полуострове после мятежа генерала Франко вспыхнула гражданская война.

Она и сейчас пряма – без всяких полутонов и компромиссов – в своих суждениях. И, разговаривая с ней, понимаешь, почему Валерий Харламов был именно таким, каким он был.

«Сынок, разве ты не видишь, что женщине тяжело нести сумку?! Помоги ей…» – не отсюда ли начиналось то постоянное стремление Валерия помочь каждому – другу, партнеру, просто человеку, встретившемуся на его жизненном пути – нести его ношу. Особенно если она, эта ноша, была тяжелой.

«Валера, Таня, вот все деньги, что есть в доме. На две пары ботинок не хватит. Решайте, кому из вас ботинки нужнее…» Ответ радовал ее материнское сердце. Сын отвечал: «Конечно, Тане! Она – девочка. Должна быть красивой…» Дочь возражала: «Конечно, Валерке! У него от футбола ботинки совсем развалились. А я еще в старых могу походить…»

Взрослели дети, серьезнее становились проблемы. И уже сами дети начинали разговор с матерью. «Мам, я после школы пойду работать – пусть Валерка учится и играет в хоккей», – говорила дочь. «Нет, – возражал сын. – Деньги в дом должен приносить мужчина. Работать пойду я, а Татьяна пусть продолжает учиться…» И семейный совет решал…

Иной читатель скажет: а какая связь между покупкой ботинок и блестящими выступлениями Валерия Харламова на хоккейных площадках? Вот если бы мать так или иначе помогала сыну стать хоккеистом, это было бы к месту…

Нет, не помогала – так, как требует прямолинейный читатель – сыну. Более того, отец, Борис Сергеевич, и сын ходили на занятия в детскую хоккейную школу ЦСКА тайком от матери – у сына в детстве пошаливало сердце. А когда через год узнала об этом, у нее самой стало плохо с сердцем. Кстати, врачи к тому времени признали Валерия абсолютно здоровым.

Не стала мать и постоянной болельщицей Валерия, если под этим понимать постоянное место на трибуне, в котором бы ей, матери Харламова, конечно бы, никто не отказал. Она бывала на хоккее очень редко – лишь тогда, когда вопрос о победе в

чемпионате ли страны, в международном ли турнире уже не стоял. В остальных случаях мать предпочитала следить за сыном сидя у телевизора, может быть, потому, что помнила, каким курьезом обернулось ее первое посещение матча с участием Валерия.

– Играли они, – рассказывает Бегония, – на открытой площадке. Вокруг бортов такие снежные валы, а на них люди стоят, смотрят. Взобралась туда и я. Вдруг вижу несколько игроков столкнулись и упали. Потом все поднялись, а Валера лежит. Перенести это я не могла. Перелезла через борт и – к этому человеку со свистком: «Судья, куда вы смотрите?! Ребенок лежит…» Остальное можете представить себе сами. Вот с тех пор я на хоккей почти и не ходила…

Опять «не к месту» получается – мать, как видите, почти и не ходила на хоккей. Однако разве можно втиснуть жизнь в схему? Разве можно поставить разделительную черту между чисто хоккейными достоинствами Валерия Харламова и тем, что он с детства не мог безучастно смотреть на женщину или пожилого человека, несущего тяжесть?

Спорт – своеобразная сфера человеческой деятельности. Наблюдая, скажем, за работой слесаря, не сразу определишь – добрый человек этот слесарь или злой, честный он или лживый. Спорт же человека словно рентгеном просвечивает – на площадке не скроешь ни достоинств, ни недостатков. И уж коли не только партнеры, но и соперники – постоянные и желанные гости в доме, это говорит о многом. А в доме Харламовых кто только не бывал – и динамовцы, и спартаковцы, и, само собой разумеется, цеэсковцы. И многие из них обращались к Бегонии коротко и выразительно: «мать».

В атмосфере такой семьи талант, если он есть, не мог не найти выражения. А Валерий был талантлив. Талантлив, как художник, – в широком смысле этого слова.

Но вскоре, как известно, на нашу страну тоже обрушилась война, и в 1942 году Бегония пошла на завод, чтобы помочь своей новой родине. Сначала она работала в Саратове, потом в Тбилиси, а в конце войны ее перевели в Москву, на тот же «Коммунар», где работал Борис Харламов. Но завод был большой, так что познакомились они лишь спустя пару лет на танцах в заводском клубе.

Любопытная деталь, которую в советское время, конечно, замалчивали, – на самом деле Валерий родился не после того, как его родители поженились, а за три месяца до официального заключения брака. Что поделать, Бегония была иностранкой, у

нее даже не было вида на жительство, поэтому и замуж выйти она не могла. Потом эти формальности удалось уладить, но уже после рождения сына.

Впрочем, сами они себя считали мужем и женой, пусть и жили порознь – он на Соломенной сторожке, а она – в заводском общежитии на Тверской-Ямской улице. На собственную комнату им, пока они не были расписаны, естественно, даже рассчитывать не приходилось.

В ночь с 13 на 14 января, когда у Бегонии начались схватки, Борис был у нее в общежитии и сразу же вызвал заводскую машину «скорой помощи», которая забрала ее в роддом. Но доехать туда они не успели – роды оказались стремительными, и Валерий Харламов появился на свет прямо в автомобиле.

Борис Харламов оставил жену в роддоме, а сам забрал ее вещи и отправился домой. На дворе была ночь, метро не работало, но молодому отцу было не до таких мелочей. В результате его задержал милицейский патруль, которому показалось странным, что кто-то гуляет в четыре часа утра, в январе, с отсутствующим видом, да еще и с узелком в руках. А уж когда оказалось, что в узелке у молодого человека женская одежда, а вот документов нет (он в спешке забыл их дома), его задержали и препроводили в отделение до выяснения личности. Правда, надо сказать, Борис был этому даже рад, поскольку январский мороз уже помог ему несколько прийти в себя, и он сообразил, что где-нибудь погреться будет вовсе не лишним.

Сына они с Бегонией назвали Валерием, в честь Валерия Чкалова. Хотя некоторые биографы утверждают, что это имя было выбрано потому, что так звали младшего брата Бориса. Впрочем, одно другому не мешает, и он мог быть назван в честь обоих.

В 1949 году в семье Харламовых родился второй ребенок – девочка, которую назвали Татьяной.

Лев Лебедев, спортивный обозреватель газеты «Правда»

Умение затронуть струны в человеке – талант, как говорили в старину, дар божий. Это относится к представителям любого вида исполнительского искусства; артистам, художникам, скульпторам, музыкантам. И, возьму на себя смелость утверждать, также относится к спортсменам.

Здесь не место выяснять «что есть талант?». Но если бы мне предложили кратко сформулировать суть такого рода человеческого феномена, я бы предложил следующее определение: талантлив тот, кто трудное дело делает легко и непринужденно, наверное, нужна оговорка, что эта легкость внешняя, что за ней – огромный труд и огромные усилия, лишь внешне незаметные. Однако мы договорились не вдаваться в детали.

Так вот главная, на мой взгляд, черта хоккеиста Харламова, что он играл играючи. Раскованно, без каких-либо видимых усилий. Как летит птица. Порой признанных защитников он обходил так непринужденно, что могло показаться – опытный мастер решил побаловаться с детворой на дворовом катке. К слову сказать, защитники частенько в раздражении не прощали харламовской «пренебрежительности» к себе – тем, кто на первых ролях, достается не только слава, но и тернии. Правда, Валерий Харламов, не отличаясь богатырской статью, обид никому не прощал. Этот парень умел постоять за себя, когда соперник склонял к тому, что называют «грязной игрой». Но хотя смелость – достойное качество во всех его проявлениях, Харламов все-таки помнится не твердостью в жестких единоборствах, а творческой смелостью…

Он не боялся принять неожиданное решение там, где другой предпочел бы сыграть по стандарту, пусть правильному, рациональному, но стандарту. Его решения часто были остроумны, расцвечивали игру веселыми красками. Да он и вне площадки был остроумным и веселым. И у нас-то не все знали о его личных качествах, а тем более не знали зрители за океаном. Однако его всюду понимали и принимали, он везде быстро становился любимцем публики – настолько полно Харламов умел выразить себя в игре. Как один из знаков этого признания – его портрет в святая святых североамериканского профессионального хоккея – в Музее хоккейной славы в Торонто.

При всем при том его не следует считать баловнем

спортивной судьбы. Стоит вспомнить, что поначалу он не пришелся ко двору в ЦСКА, был отправлен в периферийную команду, и не сразу убедили Тарасова вернуть воспитанника клуба в Москву. Считаю нужным упомянуть об этом лишь для того, чтобы подчеркнуть одаренность Харламова – истинный талант расцветает не только на богатой почве и не только в благоприятную погоду.

Слабенький ребенок

Почему я стал хоккеистом? Признаться, прежде я об этом особенно не задумывался. Но вот однажды меня попросили рассказать, как пришла любовь к хоккею, и я… я не смог ответить на этот вопрос. Просто в детстве я много времени проводил на льду. А потом в один прекрасный день в моих руках оказалась клюшка.

Борис Харламов вспоминал: «Валерик родился очень слабым. Весил меньше трех килограммов, да и откуда было ждать богатыря при тогдашнем-то карточном питании. Обмывал я, как водится, ножки с ребятами в общежитии. Жили мы в ту пору с женой Бегонитой в четвертушке большой комнаты, отгороженной от других семей фанерной перегородкой…»

Вот так в одной комнате с еще тремя семьями и провела первые шесть лет семья Харламовых. А в 1954 году они наконец получили собственную комнату недалеко от станции метро «Аэропорт». Целых двадцать четыре метра – настоящие хоромы! Детей удалось устроить в заводские ясли, потом в детский сад. Ездили они и в пионерские лагеря «Коммунара», гостили у бабушки с дедушкой на Соломенной сторожке, в общем, жили не хуже других.

Валера рос живым веселым ребенком, играл в футбол, с семи лет стоял на коньках, но, увы, здоровье его как было, так и оставалось слабым. Он то и дело чем-то болел – к тринадцати годам у него за плечами уже были корь, скарлатина и даже ревматизм сердца. Но, конечно, он, как большинство детей, не относился к этому серьезно – подумаешь болезни, ерунда какая!

Мальчишкам, играющим в хоккей, тренирующимся регулярно, приходится нелегко. Это ведь очень непросто – совмещать занятия в первом, третьем или седьмом классе и напряженные тренировки, на которые нужно собираться и ранним утром и поздним вечером. Даже если занятия проходят два-три раза в неделю, даже если тренировка длится полтора-два часа, времени хоккей отнимает все-таки больше. Ибо сюда надо добавить и те часы, которые уходят на сборы, на дорогу.

Время для занятий в школе ЦСКА, как, впрочем, и в любой другой спортивной школе, далеко не всегда самое удобное. Команд много, и лед предоставляется строго по расписанию. Иногда днем, а иногда и ранним утром или поздним вечером.

Когда после выхода из госпиталя я тренировался иногда в одиночку и приходил на каток не только в то время, когда

проводили свои занятия мои партнеры, но и утром, то видел мальчишек, которые без опоздания являлись во дворец ЦСКА настолько рано, чтобы уже в семь утра выйти на лед.

Добрых слов заслуживают и родители юных хоккеистов, которые привозят ребят в ранние часы, – бабушки, дедушки, мамы или папы, одним словом, те, кто свободен в это время от работы. И если весной или летом встать рано не очень трудно, то как же тяжело достается ребятам, особенно самым маленьким, хоккей поздней осенью или в начале зимы, когда они не только в темноте приезжают на лед, но и затемно покидают каток. В восемь тридцать в декабре еще темно, а у них тренировка уже заканчивается. А ведь едут они на каток не налегке, а со здоровенными мешками, в которых с трудом умещается вся наша хоккейная амуниция.

Дети, которые учатся во вторую смену, с удовольствием добираются через всю Москву в ЦСКА – хоккей манит, влечет мальчишек, но с каждым годом все меньше остается ребят, которые учатся после обеда, все школы переходят на односменные занятия, и потому все труднее планировать тренировки, все труднее находить для школьников время для уроков на льду.

Тренировки, матчи, знакомая, ставшая привычной атмосфера занятий на льду, раздевалка, к которой относишься уже как ко второму дому, – растут юные хоккеисты, переходят из одной возрастной группы в другую: вторая команда мальчиков, потом первая, затем – третья юношеская, вторая, первая юношеская, наконец молодежная команда.

Борис Харламов, отец Валерия Харламова

Интересно, что Валерий футбол любил едва ли не больше хоккея. И племянника своего уговорил футболом заняться. Твердил ему: «Мне от хоккея досталось – и хватит, а ты лучше в футбол играй». Правда, девятилетний внук мой, сын Валерия – Саша, все-таки по стопам отца пошел, сейчас он в хоккейной школе ЦСКА.

Сам же Валерий любой случай использовал, чтобы в футбол сыграть. Как-то даже специально в Малаховку поехал с Петровым и Михайловым. Они выступали за свой курс областного института физкультуры, а ему, хотя он в московском институте учился, разрешили в виде исключения вместе с друзьями играть.

В футболе он болел за московское «Торпедо» еще со времен Стрельцова, Иванова, Воронина. А в институте с торпедовцем Вадимом Никоновым особенно сдружился. Да и вообще среди футболистов у него было много приятелей.

За футбол он действительно как-то особенно переживал. Обычно на трибунах старался держаться незаметно, больше молчал. Но как-то – именно на футболе – вышел прямо-таки из себя и с каким-то болельщиком даже в спор вступил. Тот решил про одного игрока, что тот притворяется, лежит нарочно, ждет, чтобы штрафной судья назначил. И вслух об этом сказал. Ну Валерий не удержался, возмутился: «А вы бы сами попробовали, на поле вышли бы». Обидно ему стало за игрока, захотелось заступиться по справедливости…

В 1956 году испанцы, бежавшие в тридцатые годы от гражданской войны в Советский Союз, получили возможность вернуться на родину. Конечно, прошло уже двадцать лет и большинство из них обзавелись в СССР семьями, но в Испании у них остались родители, братья, сестры, и многие серьезно стали подумывать о возвращении. Задумалась об этом и Бегония.

Борис сначала не воспринял ее слова серьезно, он и подумать не мог о том, чтобы уехать из Советского Союза. Но она тосковала все больше, переписывалась с родителями и наконец, когда узнала, что отец тяжело заболел, решилась бросить все и вернуться домой. Правда, «все» не означало детей – их она забирала с собой. Те не возражали, конечно, они это воспринимали как интересное приключение и не очень понимали серьезности происходящего. Но когда корабль отчалил от

одесского причала, дружно зарыдали, потому что вдруг сообразили, что они уезжают, а папа остается на берегу.

В Испании они быстро освоили язык, пошли в местную школу, но своими себя все равно не почувствовали – все было чужое, и в первую очередь местная религиозность. Бегония тоже ощущала себя некомфортно – решение вернуться она приняла под влиянием эмоций, но в Бильбао быстро поняла, что слишком долго прожила в Советском Союзе, и в этой стране ей теперь тоже почти все чуждо. К тому же, если там она скучала по родителям, то здесь – по мужу. Да и детям здесь было плохо, она это понимала.

Борис Кулагин, заслуженный тренер СССР

Мне особенно хочется подчеркнуть эту особенность Харламова-игрока сейчас потому, что в качестве чуть ли не главных достоинств его как хоккеиста теперь выделяют самоотверженность, работоспособность, умение действовать строго по заданию. Все это действительно необходимо, но это уровень ремесленника, пусть даже весьма умелого. А ведь нужны, просто необходимы для дальнейшего развития нашего вида спорта игроки-художники, игроки-артисты. И они требуют к себе особого отношения. Отношения, я бы сказал, бережного.

Валерий был гордым человеком. Не гордецом, выставляющим напоказ свои регалии, а именно гордым. Справедливые замечания, порой даже резкие, он принимал с достоинством – благо сам прекрасно понимал, что такое хорошо и что такое плохо. Но несправедливости, не только по отношению к себе, не переносил. И потому был особенно раним.

Да, да, раним. Несмотря на свою, казалось бы, постоянную веселость, общительность, он порой уходил в себя. И возвращал его к жизни – здесь без высокого слога не обойтись – именно хоккей.

Через несколько месяцев Бегония с детьми вернулись в Советский Союз. С родителями она продолжала переписываться много лет, но в Испанию снова поехала только в 1981 году, хоронить мать. И вернулась как раз к похоронам сына…

Но в 1957 году до этого было далеко, и семья Харламовых радовалась воссоединению. Жаль только здоровье Валеры в Испании не улучшилось, он по-прежнему то и дело чем-нибудь болел. А в тринадцать лет у него и вовсе вдруг отнялись правые рука и нога. Он несколько недель пролежал в больнице, потом три месяца провел в подмосковном санатории в Красной Пахре, а когда его все же выписали, врачи строго-настрого запретили ему поднимать тяжести и заниматься каким-либо спортом. Его даже от физкультуры освободили, угрожая тем, что физические нагрузки могут быть для него смертельно опасны.

Но разве тринадцатилетний мальчишка послушается такого приказа? Как бы не так! Естественно, едва оказавшись на свободе, Валера тут же вернулся к играм с друзьями во дворе, к футбольному мячу и к хоккейной клюшке. От родителей он это, естественно, скрывал, считая себя великим конспиратором, но

Борис Сергеевич узнал обо всем довольно скоро.

Узнал и… не стал мешать. Он раз в три месяца возил Валеру на медосмотр, там делали анализы, снимали кардиограмму и говорили, что ухудшений нет, а раз ухудшений нет, чего мешать? Он сам всю жизнь занимался спортом и был уверен, что без этого жизнь любого мальчишки пуста и безрадостна.

На кого бы я хотел походить? Ответ однозначный невозможен, ибо как нет идеальных хоккеистов, так не существует и идеальных тренеров.

Вот если бы удалось взять две-три черты у каждого…

У Анатолия Владимировича Тарасова я постарался бы перенять его неиссякаемую выдумку, ярче всего проявляющуюся в организации тренировочного процесса, взял бы его беззаветную преданность хоккею. У Аркадия Ивановича Чернышева – спокойствие, уравновешенность, внимательный, заинтересованный подход ко всем хоккеистам. У Бориса Павловича Кулагина – умение поговорить с каждым игроком в отдельности и убедить его в правильности тренерского замысла. Я не раз убеждался: если кто-то не согласен с идеей Кулагина о той или иной тройке, то Борис Павлович непременно сумеет объяснить, почему важно и перспективно именно такое формирование звена.

У тренера, повторяю, как и у каждого из нас, есть свои сильные и слабые стороны, и если игрок понимает это, то он, кажется мне, просто обязан стараться взять все лучшее.

О чем мечтаю я? Собираюсь ли стать тренером?

Если и да, то, как уже говорил, на первых порах не в команде мастеров высшей лиги. Теперь я уже хорошо понимаю, что тренировать команды значительно труднее, чем играть: ты отвечаешь не за себя или за свою тройку, но за большой коллектив, где собраны разные люди с очень разными характерами. Ты отвечаешь не только за тактическую или техническую подготовку, но и за будущее спортсменов, за то, как складывается их жизнь сегодня, как сложится она завтра. Тренер несет полную ответственность за то, чему спортсмены успевают научиться, выступая за свою команду, – я имею в виду сейчас не только спортивную подготовку.

Тренер призван знать все заботы хоккеистов, представлять себе мир их увлечений.

Хотелось бы, чтобы игроки вспоминали тренера не только как специалиста хоккея, но и как человека, который сыграл важнейшую, решающую роль в становлении личности.

Борис Харламов, отец Валерия Харламова

…Как вот рассказывать об ушедшем сыне, когда ничего еще не отстоялось, не отболело – да и не отболит никогда?

Я все же начну с того, каким он был сыном… Без этого ведь и не понять его характера, не понять, что за человек он, почему никакая слава не могла его испортить, оторвать от дома, где он вырос.

Валерий нигде так хорошо, спокойно себя не чувствовал, как в родительском доме. Здесь он всегда отдыхал душой.

Конечно, он много, больше времени, уж чего там говорить, бывал на людях. И похоже, что быть ему у всех на виду совсем легко, по душе. Легко он и с людьми сходился, умел быть на редкость верным в дружбе. В компании – прямо первый заводила, самый веселый, самый заводной и шумный, и за словом в карман не полезет, и станцует так, что сразу материнская, испанская кровь почувствуется.

А иногда – вот, скажем, по телевидению приходится выступить – он чего-то насупится, говорит неохотно, не пошутит… Думаю, что при всей его безотказности в товариществе тянуло Валерия и одному побыть.

Товарищам он отказать всегда стеснялся – когда до женитьбы еще жил в Тушино, телефон в его квартире звонил беспрестанно, как только узнавали, что он приехал.

К матери он относился очень уважительно, больше всего боялся огорчить ее чем-нибудь. Знал: она за него волнуется так, что и давление, случалось, подскочит, и всегда, если задерживался, где бы там ни был, никогда не забывал позвонить, предупредить, успокоить…

В хоккее он рано стал самостоятельным, взрослым. А все-таки, думаю, влияние нашей семьи рабочей – мы с женой почти всю жизнь на заводе «Коммунар» проработали – сказывалось, хотя он вроде и по другой линии пошел: большой спорт, армия. Я замечал, что на заводе, когда приглашали Валерия встретиться, выступить, он всегда чувствовал себя очень свободно, по-домашнему.

Мальчишкой он летом обычно жил в заводском пионерлагере. И уже став игроком знаменитым, обязательно приезжал к ребятам каждый год, относился к ним вроде как к братьям младшим, рассказывал им подробно о хоккейных делах, о том, что видел в разных странах, – очень у него это получалось складно и весело.

…У нас с сыном отношения были товарищеские – ничего мы друг от друга не скрывали. Я-то болельщик, ни одной игры не пропускал, знал всех друзей Валерия, всех игроков, с которыми он играл, еще с юношеских команд. Мой интерес к его спортивной жизни понятен и без объяснений. Но вот что меня особенно радовало: и Валерия мои заводские дела интересовали, всегда, бывало, спросит: как там у тебя и что… К друзьям моим относился со всем расположением…

Детско-юношеская спортивная школа ЦСКА

Чтобы стать спортсменом, достичь каких-то высот, необходимо полюбить выбранный тобой вид спорта – это очевидно. Но есть и второе условие: надо жить где-то поблизости от стадиона, по крайней мере, в таком месте, где были бы условия для занятий этим спортом. Я рос в районе Ленинградского проспекта, недалеко от Дворца спорта ЦСКА, и, пожалуй, именно это повлияло на выбор спортивного пути.

Летом 1962 года на Ленинградском проспекте открылся летний каток, где ЦСКА набирал детей в свою спортивную школу. Приятели Валеры позвали его записываться, с восторгом рассказывая об искусственном льде и красивой форме. Он пошел за компанию, а в результате взяли только его одного. Спустя много лет он вспоминал об этом дне:

«В общем-то, конечно, нервничал. Но я это понял уже потом. А тут только одно в голове было: пробежать по площадке как следует. Вышел на лед, смотрю – стоит Кулагин, хмурый такой, сосредоточенный. Уже после я узнал, что он долго никого отобрать в тот раз не мог. Оттого, наверное, и был хмурый. Ну, подошла моя очередь, поехал. Тут я уж точно ни о чем не думал, кроме того, чтобы и скорость показать, и владение коньками. Прокатился круг, смотрю на Бориса Павловича, он – на меня. «Фамилия?» – спрашивает. «Харламов Валерий». – «Год рождения?»

И тут, сам не знаю зачем, я соврал. Сказал, что мне тринадцать лет, а мне уже исполнилось четырнадцать. Наверное, хотел повысить свои шансы. Хорошо хоть хватило ума всего год себе убавить, а то ведь мог брякнуть, что мне, скажем, десять лет».

Сбавленный год на самом деле повысил его шансы – набирали ребят 1949 года рождения, а тех, кто 1948 г., уже не принимали. Но Валера был маленького роста, поэтому выдать себя за тринадцатилетнего ему было легко. А набор в те времена проходил не так строго, как сейчас, не спрашивали ни документов, ни даже медицинской справки (которая точно отрезала бы ему путь на лед). Вот так Валерий Харламов оказался в Детско-юношеской спортивной школе ЦСКА. Кто бы тогда мог подумать, что вот так, путем случайностей, обмана и нарушений медицинских предписаний он пришел к своему призванию…

Два раза в год в газете «Советский спорт» появляется объявление, лишающее покоя тысячи московских мальчишек. Впрочем, не только московских, но и тех, кто живет в Подмосковье.

Объявление гласит, что хоккейная школа ЦСКА проводит набор детей… года рождения.

Год, естественно, меняется. Когда-то приглашали моих сверстников, ребят родившихся в 1948 году. Потом настал черед мальчишек, увидевших свет в 1952-м, – шло поколение Владислава Третьяка. Годы бежали, и в ЦСКА пытались поступить сверстники Вячеслава Фетисова, а затем и… Затем пришла пора вступительных экзаменов для детей играющих сегодня мастеров. Год рождения – 1968-й. Год рождения – 1969-й. Год рождения – 1970-й. Принят Андрей Михайлов, сын моего партнера по тройке. Принят Анатолий Фирсов-младший, сын знаменитого нападающего, ставшего целой эпохой в истории нашего хоккея.

Меняется год рождения мальчишек, которых приглашают в ЦСКА. Меняются и фамилии экзаменаторов. Одни мастера уходят из команды, другие в эти приемные дни уезжают из Москвы на матчи, восходят новые звезды, появляются новые кумиры. Но неизменным остается высококвалифицированный состав приемной комиссии: в нее всегда входят знаменитые армейские тренеры и хоккеисты…

Неизменными остаются и чрезвычайно высокие требования, предъявляемые к детям: наш клуб может себе позволить выбирать. Желающих попробовать свои силы на конкурсных испытаниях в знаменитой хоккейной команде предостаточно. Неизменными потому остаются не только улыбки счастливчиков, которых приняли в ЦСКА, как приняли когда-то, много лет назад, меня, но и слезы неудачников, которых больше, неизмеримо больше: вы помните – мы пришли поступать целой компанией, а взяли меня одного.

Владимир Богомолов, мастер спорта СССР

С малолетства играл я с ним в одной тройке. Помню все хорошо…

…В день какого-то матча тренер Вячеслав Леонидович Тазов привел Валеру к нам: «Этот парень будет здесь играть». Ну будет так будет. Как «опытный» уже хоккеист я отнесся к событию равнодушно.

Отбивали тогда просто: рослый, хорошо катается – выйдет толк! Мальчишкой я был крепким, забивал. Валера на коньках держался уверенно, но в целом особо не выделялся. Кто бы мог предположить, что он, Харламов, – будущая звезда? Думаю, никто. В том, что не затерялся он, есть заслуга армейских педагогов. Но считать, что сразу разглядели дарование, значит, выдавать желаемое за действительное, упрощать спорт, игнорируя загадочное и не такое уж редкое явление, когда вершины достигает человек, имевший у подножия скромные надежды на всеобщее признание.

После того как Харламова, Лопина и меня свели в одно звено, мы редко расставались. Часто бывали дома у Харламовых. Бегони и дядя Боря, Борис Сергеевич, – добрые, искренние люди. Таким вырастили и сына, который унаследовал спортивность отца, взрослым игравшего в русский хоккей, и импульсивность матери-испанки.

Мы и досуг свой не представляли без спорта. То на стадион пойдем, обычно на «Динамо», то сами в футбол играем. Летом футбол полностью заменял хоккей. Харламов у Нила Степановича Гугнина в «Метрострое» тренировался, я – в ЦСКА. Сказал ему: «Что ты за “Метро” бегаешь. Давай к нам. Вместе же будем». Привел друга, а его не взяли. До сих пор для меня это загадка. Ведь играл он здорово, особенно в мини-футбол. На большом поле тоже был хорош, но потом, пройдя атлетическую подготовку армейского хоккея, был несколько массивнее, чем того требует кожаный мяч.

На льду он любил шайбу отпустить в пространство между собой и защитником, с которым затевал игру в кошки-мышки. Тот азартно бросался за легкой добычей. Тонко чувствуя дистанцию, Валерий выкрадывал из-под носа шайбу – и был таков. Позже это назовут «обводкой будущего»: до Харламова классическим считался постоянный контроль шайбы – у него она бывала вроде бы и ничья.

На зеленом же поле мяч у него был как приклеенный к ноге. Обводка была простая. Показал корпусом в одну сторону и ушел в другую. Надежно прикрывал мяч. Тогда о полузащитнике Викторе Панаеве шла молва, что в «проходе автобуса восьмерых может обвести!» Видел, как нечто подобное исполнял Харламов.

Летом, спасаясь от городского пекла и шума, мы ездили на пляж в Серебряный бор. Был там футбольный «пятачок» размером с баскетбольную площадку, с урнами вместо штанг. Регламент строгий: проиграли – ждите своей очереди, а желающих – длинный хвост. Играть там умели и сражались по-мужски. А мяч у Харламова отнять не могли.

Валерий и с баскетбольным мячом хорошо смотрелся. Хорошо потому, что мышление его было создано для игр. Харламовское понимание ситуаций отличалось от канонов. С шайбой или с мячом шел он не туда, куда предполагали соперники, а бросался в самую гущу, на эшелонированный участок обороны, чем вызывал смятение у противника и создавал оперативный простор для партнеров. Мог сделать все и в одиночку, от первого хода до последнего, но чаще делился с товарищами радостью лихой атаки.

Харламовские импровизации – это хоккейные мелодии, которые были столь любимы в его бытность и над которыми не властно время.

Борис Кулагин, заслуженный тренер СССР

Впервые я увидел Валерия в 1962 году. В компании своих сверстников он пришел на каток ЦСКА «записываться в хоккей». В те времена мальчишек, жаждущих стать хоккеистами, было хоть отбавляй. Не то, что сейчас. И потому отбор был чрезвычайно строгим. Чрезвычайно строга была и «экзаменационная комиссия», в которую входили и тренеры команды мастеров, и ведущие игроки. И огорчительное «нет» приходилось говорить куда чаще, чем «приходи завтра на тренировку». Валерий оказался единственным среди его приятелей и соседей по двору, кто услышал это желанное «приходи завтра».

Есть люди, которые, так сказать, несовместимы с коньками. Например, отличный спортсмен, известный в прошлом футболист Аугустин Гомес иначе, как опираясь на клюшку, выходить на лед просто не мог. Да и у нас, в команде мастеров, бывали игроки, которые, пытаясь сжиться с коньками, не снимали их ложась спать. Валерию к подобным мерам прибегать не нужно было. Бегать на коньках было для него столь же естественно, как и ходить. А повороты налево, направо, которые другие разучивают подолгу, четырнадцатилетний Харламов выполнял во время того самого отбора-конкурса настолько непринужденно, что ни у кого не вызывало сомнений, брать его или не брать.

Уже вскоре выяснилась и другая черта его таланта. Валерий был прирожденный игровик. Я думаю, он многого мог бы добиться и в футболе, и будь Харламов повыше ростом, в баскетболе, поскольку всюду его умение видеть площадку, способность предугадать ход событий выделяли его среди остальных. Добавьте к этому самолюбие – Валерию претило быть вторым – и нетрудно понять, почему даже за биллиардным столом Харламову немного было равных.

Однако прирожденный талант – это еще не все. Мне за бытность мою в хоккее немало приходилась видеть талантов, так и не раскрывшихся. Не хотели понимать люди, что талант произрастает только на земле, обильно политой соленым потом. Харламова этому учить не нужно было. Цену труда он познал рано, в семье. На примере своих родителей-тружеников. И не случайно отец его, Борис Сергеевич, узнав как-то, что Валерий пропустил тренировку в детской команде, сказал сыну: «Делом либо следует заниматься всерьез, либо не заниматься вовсе… Тем более, в команде, где ты можешь подвести других».

Отцу он все рассказал только после того, как им выдали форму и клюшки, и понадобилось, чтобы родители пришли расписаться в получении всего этого. Борис Сергеевич сначала ужаснулся, но поскольку в спорт он верил больше, чем в медицину, а здоровье Валеры не ухудшалось, а только улучшалось, он не стал мешать сыну и поддержал его желание заниматься хоккеем.

Когда через несколько месяцев в спортивной школе ЦСКА все же вспомнили о медицинской справке, врачи, осматривавшие Валеру, даже пошутили: «А вы уверены, что это тот же самый мальчик?» Болезнь окончательно отступила, и ему совершенно законно выдали справку, что он совершенно здоров.

Тренировался Валера у Виталий Георгиевича Ерфилова, известного детского тренера и прекрасного специалиста, давшего путевку в жизнь многим будущим чемпионам. К тому же он был известен как человек, умеющий выявлять дремлющие скрытые способности и видеть в новичках будущие таланты.

Именно Ерфилов помог Харламову раскрыться. На одну из тренировок к нему пришел тренер, занимавшийся с ребятами из более старшей группы, и сказал, что у него заболел форвард, а предстоит игра с принципиальным соперником ЦСКА, «Спартаком», на первенство Москвы. Заменить форварда ему было некем, и он решил взять кого-нибудь подающего надежды из младшей группы. Ерфилов поколебался, но все же порекомендовал Харламова.

Судите сами: четырнадцатилетний мальчишка выходит первый раз в жизни на официальный матч. Не на тренировку, а на матч. И рядом на льду не будет Виталия Георгиевича Ерфилова. И он не скажет: «Валер, смотри, как надо делать». Вместо него будут чужие ребята, каждый из которых норовит обыграть тебя, задержать, оттереть, отнять у тебя шайбу. А тут еще мучит мысль: вдруг узнают, что год себе убавил. Как не волноваться. Да я пока амуницию в раздевалке прилаживал, прямо трясся весь.

Другое дело, что в игре все забываешь. Наверное, один из секретов успехов в спорте, причем в любом виде, – это способность предельно концентрироваться в каждый данный момент на решении одной конкретной задачи, стоящей перед тобой.

Допустим, ты хоккейный форвард. И ты выходишь один на один с вратарем. Бросать сразу или сделать еще несколько шагов? Обводить вратаря, стараясь уложить его финтом на лед, или пробивать в лоб? Решение требуется принять в доли секунды,

именно в доли, это я не для красного словца говорю.

Однажды кто-то из журналистов, не помню уж кто, с маленькой черной машинкой в руках подсчитал, что иногда форварду требуется принять решение за десятую долю секунды. Так вот, остается ли время на страх, волнение? Если остается – плохо. Без предельной концентрации внимания нет игры.

Виталий Ерфилов, первый тренер Валерия Харламова

Удивительно, столько лет прошло, а вижу тот матч поразительно отчетливо, с мысленными замедленными повторами. В основном я следил, конечно, за Харламовым. Я чувствовал, что не потеряется он на площадке, но все-таки игра есть игра. И вот в какой-то момент Валера прорывается с шайбой к синей линии. На него бросаются сразу два спартаковских защитника, Игорь Лапин – он потом в мастерах не один сезон играл – и Саша Стеблин, ныне он во Всесоюзном спорткомитете работает. Оба мощные ребята, рослые, широкоплечие. Валерка рядом с ними выглядел совсем маленьким. Он затормозил перед ними. Лицо испуганное, вот-вот заплачет, уже нос наморщился. Защитники тоже остановились, любопытно все-таки посмотреть на плачущего форварда – не каждый день увидишь. Остановились они, а Валерка тут же ногами заработал, набрал скорость и объехал их. Защитники только разворачивались, а улыбающийся Харламов уже вышел один на один с вратарем и точным броском отправил шайбу в сетку.

Знаете, хотя я и был в то время еще молодым человеком – ведь больше двадцати лет прошло, – но все-таки не новичок, кое-что повидал. А тут прямо дух у меня захватило, так артистически сыграл в тот момент мой подопечный! Именно артистически, потому что кроме техники, скорости проявил он в этом мгновенном эпизоде чисто актерское дарование… Забил он и еще один гол в этой игре, решающий. Армейцы выиграли, если не ошибаюсь, со счетом 4:3.

После этой игры Валера наконец-то признался, что убавил себе один год при поступлении. Тренеры, конечно, были не в восторге, узнав об обмане, были даже разговоры о том, чтобы отчислить его, но в конце концов было решено оставить с испытательным сроком и перевести к Андрею Старовойтову, тренировавшему группу мальчиков, набранных годом раньше.

Никаких особо выдающихся успехов Харламов в Детско-юношеской спортивной школе ЦСКА не добился, но игроком считался способным и перспективным. Борис Кулагин выделял его среди других и возлагал на него большие надежды. Он был уверен, что время этого мальчика еще придет.

А вот главный тренер ЦСКА, великий Анатолий Тарасов, которого называли хоккейным самодержцем, первое время относился к протеже Кулагина с некоторым предубеждением.

Дело в том, что Валерий был маленького для хоккеиста роста, всего 174 см, а Тарасов в то время делал ставку на рослых крупных хоккеистов, не уступающих по физическим данным знаменитым канадским профессионалам. Он так и говорил: «Все выдающиеся канадские хоккеисты великаны по сравнению с нашими. Как же мы их победим, если наши нападающие карлики, буквально – метр с кепкой?»

В итоге, после окончания спортивной школы во взрослую команду ЦСКА Харламова не взяли, и ему пришлось срочно подавать документы в институт физкультуры. Они вместе с его другом Вадимом Никоновым, впоследствии известным капитаном футбольной команды «Торпедо», успешно сдали экзамены и были приняты на первый курс.

Кстати, надо сказать, футбол Валерий Харламов любил не меньше хоккея и играл за детскую и юношескую команды «Метростроя». Он даже пробовался в футбольную школу ЦСКА, и если бы его туда приняли, возможно, сменил бы хоккейную форму на футбольную. Но на тамошних тренеров он не произвел особого впечатления, поэтому, когда пришло время выбирать (на все сразу времени, конечно, не хватало), футбол пришлось забросить.

Долог путь к вершинам хоккея.

Но вот парню семнадцать-восемнадцать. Почти сложившийся мастер. Почти. Еще немного, еще чуть-чуть – и принимай, команда ЦСКА, двадцатикратный чемпион страны, пополнение!

Но где пройти курс, который позволил бы одолеть последние ступени наверх?

Когда я играл, то были в клубах и две мужские команды. Сейчас их нет, и потому образуются некие ножницы: для молодежной, команды игрок уже не подходит – по возрасту перерос, а в мастера пока не берут – по классу парень еще уступает партнерам.

Вот тут и начинаешь понимать, как нужен был бы хоккейной команде дублирующий состав. В футбольных командах, как известно, дублеры есть, а хоккеисты пока могут только мечтать об этом. Но ведь и нам нужна какая-то, как сказали бы канадцы, «фарм-команда». Нужен некий филиал, что ли. У столичных армейцев, в сущности, есть такие филиалы – армейские команды военных округов, в частности, СКА МВО, базировавшийся ранее в Калинине, а теперь в Липецке. Но есть в этой системе явный минус. Мастера располагаются в Москве, а дублеры – где-то за сотню-другую километров, и это еще в лучшем случае: чаще же речь идет о тысячах километров. А что это значит? Прежде всего

то, что тренеры главной команды видят тебя от случая к случаю.

А если времени не хватает? Если тренер не может уехать от своей основной команды, а надежных помощников, на которых он мог бы положиться как на самого себя, нет? Если на плечах тренера и заботы о сборной? Достанет ли времени проконтролировать ход подготовки дублеров, играющих где-то за тысячи километров? Достанет ли времени посмотреть их не в одном, а в нескольких матчах и помочь советом, подсказкой?

Владимир Дворцов, обозреватель ТАСС

Любимцами становятся те, кто специально для этого усилий не прилагает. Валерий Харламов был всеобщим любимцем!

Его боготворили поклонники ЦСКА, обожали все советские любители хоккея, знали и поклонялись любители игры во многих странах мира. Довелось быть свидетелем, как овациями зрители приветствовали Валерия на стадионах различных городов Канады и Чехословакии, США и Швеции, Польши и Австрии, Швейцарии и ФРГ и других стран.

Сам Харламов, уверен, рецепта, как завоевать всеобщее признание, не дал бы. если бы и спросили об этом – отшутился бы и все.

Возьму на себя смелость предложить образец «формулы успеха» по Харламову: в первенствах страны завоевать десять золотых медалей, забросить 293 шайбы (в сезоне 1981/82 г. Валерий рассчитывал перейти рубеж трехсот шайб, что, конечно, большого труда для него не составило бы); на чемпионате мира требуется добыть восемь высших наград и на европейском первенстве – семь, да еще на олимпийских турнирах две золотые медали. При этом хорошо бы еще стоять во главе списка бомбардиров чемпионатов мира, Европы и Олимпиад за всю их историю по системе гол плюс пас, имея на своем счету 192 очка (89 шайб и 103 голевые передачи). Большого числа точных передач на турнирах высшего ранга не сделал никто, а по заброшенным шайбам (в большинстве с подач Харламова) Валерия обошли лишь партнер по звену Борис Михайлов (108) и Александр Мальцев (93). А за Харламовым в списке бомбардиров стоят такие хоккеисты, как В. Марганец из ЧССР, С. Тумба-Юханссон из Швеции и другие.

В клубе Всеволода Боброва надо быть на высоком четвертом месте, имея на счету более 430 шайб. А еще в ледовых сражениях с лучшими профессионалами НХЛ надо так блеснуть на фоне первых звезд советского и канадского хоккея, чтобы все единодушно признали в числе трех самых-самых – Третьяк, Харламов, Якушев.

О серебряных и бронзовых наградах, о поте и, случалось, крови, пролитых на тренировках и в матчах, не будем распространяться: ведь мы задались целью – вывести формулу, то есть кратко сказать о том, как стать любимцем. Таким, как Харламов.

Теоретически повторить его путь в спорте можно. Практически, наверное, нельзя. Это, конечно, совсем не означает, что у нас не было, нет и не будет прекрасных мастеров хоккея. Однако Валерий Харламов останется навсегда явлением неповторимым.

Трудная дорога в ЦСКА

Команда – и детская, и юношеская, и сборная страны – это коллектив, объединяющий спортсменов и их наставников.

Валерий продолжал играть в молодежной команде ЦСКА под руководством Ерфилова, который вместе с Кулагиным несколько раз пытался рекомендовать его Тарасову. После того как он блеснул в финальном турнире юниорского чемпионата СССР весной 1967 года в Минске, Кулагин вновь поговорил с Тарасовым, и тот сдался: «Ну что ж, хочешь рискнуть – давай. Пробьешься – молодец. Не пробьешься – винить некого будет».

Харламову уже исполнилось восемнадцать лет, поэтому его призвали в армию и включили в состав взрослой команды ЦСКА. Фактически он продолжал делать то же самое, что и раньше, только теперь числился рядовым Советской армии и выступал не за юношескую, а за первую мужскую команду армейского клуба и иногда тренировался с мастерами ее основного состава.

22 октября 1967 года он дебютировал в составе ЦСКА в Новосибирске, в матче с «Сибирью». На лед его выпустили, просто чтобы дать ему игровую практику. Тарасов посмотрел на него и сказал: «Ничего особенного, какой-то «Конек-горбунок». Давай-ка его в Чебаркуль вместе с Гусевым». Так Харламов оказался в хоккейной команде Уральского военного округа «Звезда», игравшей во второй лиге.

Вы никогда не задумывались, почему ЦСКА классная команда? А ответ, по-моему, очевиден. Потому что мы не опускаемся ниже определенного уровня, никогда не опускаемся за пределы тройки лидеров. Не в одном сезоне, а на протяжении десятилетий армейцы – неизменные лидеры нашего хоккея. Отыграли и уже сошли со сцены несколько поколений хоккеистов, при которых команда не спускалась ниже второго места. А ведь чемпионом стать легче, нежели удержаться потом на вершине на долгие годы. Думаю, хоккеисты «Крылышек» согласятся с этим моим утверждением. Да и только ли они?! Даже «Спартак», славящийся своим духом, волевым началом, спускался порой и за пределы призовой тройки.

Я не могу сказать определенно, чем отличается воля от мужества, ибо для меня они сливаются во что-то единое, нерасторжимое и проявляющееся в характере бойца. Прямом, честном, открытом. В характере бойца, для которого нет безнадежных ситуаций.

Самое опасное в жизни и тем более в спорте, когда ты на виду

у тысяч людей, – душевная вялость. Согласие быть на вторых ролях, умение прятаться за чьи-то спины. Самое опасное – стараться прожить за чужой счет. Экономить силы, стремясь продлить свою жизнь в большом хоккее или в большом футболе.

Знаю по опыту многих своих бывших партнеров, что коль пожалеешь себя в одном эпизоде, то потом обязательно, непременно (никуда уже от этого не денешься) будет второй такой эпизод, потом третий – «экономия» сил, эта пагубная для спортсмена псевдорасчетливость станет системой. И угаснет интерес к борьбе, к игре, к спорту.

Прав был Анатолий Владимирович Тарасов, который не прощал нам передышки, игры «на малых оборотах» и при счете 10:0 в нашу пользу. «Почему десять голов? – терзал нас на скамейке запасных тренер. – Должно быть одиннадцать, двенадцать…»

Тарасов был прав. И в самом деле, если скажешь себе – «хватит!», то можешь остановиться не только в сегодняшнем матче. Постепенно это «хватит!» будет выходить на первый план и, помимо твоей воли, давить на твою психику, ломать характер, судьбу.

Вот именно в этом я вижу ту причину наших неудач в Катовице и Вене, с рассказа о которой я начал эти страницы. Снизу нас, ведущих, никто не подпирал, борьбы за право попасть в сборную не было, а прежние успехи нашептывали: «Хватит!»

Признаюсь откровенно, что, попав в госпиталь после автокатастрофы с переломанными ребрами и ногами, я о включении в состав сборной не волновался – возьмут, никуда не денутся: замены все равно нет. Признаюсь, процентов на восемьдесят я был уверен, что попаду в Вену, если, конечно, вылечусь, если смогу тренироваться. И это несмотря на то, что хорошо понимал, как много упущено в подготовительный период.

Я смотрел по телевидению матчи, которые проводила за океаном наша экспериментальная сборная, ходил на игры в Москве, видел на льду одаренных, бесспорно одаренных ребят, но замечал и то, что мало кто из них старался прыгнуть выше собственной головы.

Я жестокие вещи говорю, обидные, но что поделать, если все-таки кажется мне, что кто-то из молодых довольствуется малым: попал в сборную, пусть и не в первую, съездил за океан, свет повидал, себя показал – ну и ладно, а чемпионат мира нам и не обязателен. Меня и вторая сборная устраивает: тоже Канаду и США исколесим.

Валерий Ерфилов, первый тренер Валерия Харламова

Отлично помню тот матч. У «Сибири» в воротах стоял крупный, могучий парень с длинными руками. Ворота рядом с ним казались совсем крошечными. Мои ребята все время атаковали, бросали беспрерывно, но он буквально забаррикадировал собой ворота, и шайба отскакивала от него, как горох от стенки.

Я чувствовал, как у ребят появляется неуверенность. Знаете, бывает в игре, когда кажется, что какая-то сверхъестественная сила не дает шайбе влететь в ворота. В такие моменты и проверяется характер игроков и команды. И вот тут-то Харламов почти с линии ворот, едва отъехав от борта, четким броском послал шайбу в дальний от себя угол. Для того чтобы она попала в ворота под таким углом, требовалась поистине ювелирная точность.

Вратарь не сразу понял, что шайба в воротах, и все еще в стойке у ближней штанги недоуменно оглянулся на красный свет, который зажегся за его спиной.

Через несколько минут ситуация повторилась. Валерий снова прошел по краю и оказался на той же точке, откуда уже забросил шайбу. Вратарь теперь знал, что делать. Этот парнишка здорово бросает по дуге, в дальний угол. И он сместился, закрыв дальний угол. А Харламов «щелчком» бросил в ближний угол. Гол. И словно спали чары, шайбы так и посыпались в ворота «Сибири».

Через мои руки прошли сотни ребят. Я знаю, чему можно научить любого мальчишку, если он добросовестно относится к тренировкам. А что зависит от таланта, если, конечно, этот талант умножается на фанатичную преданность игре. Так вот Харламов сыграл тогда так, как может сыграть только талантливый игрок. И я понял, что если он бросит хоккей, это будет потерей и для него, и для нашего хоккея.

Анатолий Тарасов, заслуженный тренер СССР

Его талант, его фанатическое упорство, его чудесный характер раскрылись для всех нас не сразу, постепенно. Помню такую историю. В юные годы Валерия принял я однажды рискованное, но, как потом оказалось, вполне оправданное решение. Видел, что он – человек способный, незаурядный, но выпускать его на площадку с мастерами было еще рановато, не хватало у парня умения, опыта. А где же набраться практических навыков, как не в играх – регулярных, важных, ответственных? Чтобы Харламов смог развить в себе игровую самостоятельность, усовершенствоваться в обводке, разучить новые финты и опробовать их на реальных соперниках, я предложил ему один сезон поиграть в одной из наших армейских команд среднего класса.

Не скрою, волновался. Расставаясь пусть даже на время с одаренным игроком, никогда не можешь быть уверенным, что не совершаешь ошибку. А вдруг понапрасну упустишь время – в спорте эта потеря чаще всего невосполнима. Но Валерий воспринял мое решение до будничного просто. Спросил только, предоставят ли ему там время и условия для самостоятельных тренировок. Интересовался он, зная строгие порядки военной службы. Да, ответил я, руководители той команды все знают, они получили план твоего индивидуального задания. Периодически мне докладывали, как там идут дела у Харламова. Никаких замечаний. Игроки команды равняются на него. На тренировки приходят сотни зрителей. Во время матчей стадион не может вместить всех желающих. Играет самоотверженно и в мастерстве прибавляет день ото дня.

Борис Кулагин, заслуженный тренер СССР

В молодежной команде ЦСКА – а будучи помощником Анатолия Владимировича Тарасова, я в некотором роде опекал молодых – мы часто общались с Валерием. На тренировках, да и вне их. Словом, все шло к тому, что Харламов станет игроком команды мастеров. Однако судьба уготовила ему испытание.

В то время пошла мода на крупногабаритных игроков. Тренеры молодежной команды, рекомендуя того или иного из своих подопечных, подчеркивали с восторгом, что хоккеист имярек рвет цепи прибора для измерения становой силы. Валерий же по фигуре в гвардию не проходил, и потому его было решено отправить на стажировку в команду Чебаркуля. Вместе с Харламовым и защитником Александром Гусевым мы туда и отправились.

Помню первый разговор в Чебаркуле с руководством. Поблагодарили нас за то, что дали в команду Гусева и выразили сомнение насчет Харламова: мол, в нашей лиге этому малышу трудно придется – затолкают его, столько синяков наставят, что он из хоккея убежит. Я слушал и про себя посмеивался. А вслух сказал: «Ну что ж, посмотрим…»

Впрочем, надо сказать, что тренер «Звезды», Владимир Альфер, получил от Тарасова предписание: «Вы должны создать ему условия для ежедневных трехразовых тренировок. В календарных встречах Валерий должен проводить не менее семидесяти процентов времени на льду, независимо от того, как складывается игра».

В Чебаркуле Валерий забросил тридцать четыре шайбы в сорока играх и быстро стал местной знаменитостью. Тарасова регулярно информировали об успехах «сосланных» в «Звезду» хоккеистов (защитника ЦСКА Гусева туда отправили за нарушение режима), и наконец пришло время, когда он решил вызвать их обоих в Москву и посмотреть в деле.

Что же это за человек – тренер? Каким он должен быть?

На эти вопросы одним словом не ответишь. Тренер должен быть и специалистом, и администратором, и тактиком, и педагогом, и психологом, и философом. Тренер един во многих лицах, это человек многих знаний, очень объемных знаний. Работать с людьми намного сложнее, чем с машинами. Этим я и

объясняю, что теперь спортивные команды и в хоккее, и в футболе, и в баскетболе возглавляют два, а то и три тренера.

У каждого спортивного педагога, как и у каждого человека, есть свои сильные и слабые стороны. Но у тренера они более обнажены, чем у человека любой другой профессии. Тренер, как и учитель, сдает экзамены каждый день, а не только в дни чемпионата страны или Олимпийских игр.

О тренере чаще всего судят по очкам, набранным его командой. Много побед – хорош тренер, мало – плох. Потому и называют матч или чемпионат его экзаменом. Но тренер – это и педагог. Он постоянно, а не только в дни матчей, общается со своими воспитанниками. Он каждый день перед их глазами, рядом с ними. Потому я и говорю о каждодневном испытании.

Мне повезло, я работал со многими выдающимися специалистами и педагогами, внимательно к ним присматривался и прислушивался, и все-таки я не рискую утверждать, что все тренеры должны быть такими, как, например, Анатолий Владимирович Тарасов или Борис Павлович Кулагин, Константин Борисович Локтев или Аркадий Иванович Чернышев. Да и как скучно было бы жить, если бы все тренеры стали походить один на другого! На наше счастье, тренеры разные, и потому и отличаются друг от друга команды, потому и исповедуют они разные стили игры.

Команда – это более или менее удачное воплощение в жизнь замысла тренера, и у каждого хоккейного педагога та команда, которую он заслуживает.

В силу разных причин положение тренера в хоккее более стабильно, нежели в футболе. Наши ведущие хоккейные специалисты имели возможность работать в своих клубах по десятку, а то и более лет, а Аркадий Иванович Чернышев бессменно возглавлял столичное «Динамо» около четверти века. На протяжении многих лет трудно было представить себе ЦСКА без Анатолия Владимировича Тарасова, воскресенский «Химик» – без Николая Семеновича Эпштейна, как сейчас рижское «Динамо» – без Виктора Васильевича Тихонова.

Тренеры определяют лицо своих команд, их игровой почерк, и когда уходит спортивный наставник, игра команды меняется. Иногда постепенно, а иногда сразу…

…Но кроме стилевых различий в почерке того или иного тренера есть у них всех и общая черта – единое понимание хоккея: ведь школа игры у них общая – советская. И это помогло нам вскоре найти общий язык с новым тренером сборной Бобровым…

Я начал учиться у больших тренеров еще до того, как меня включили в сборную страны, и потому получил немалое

преимущество перед многими моими товарищами. Мальчишкой попал я в ЦСКА, а там с нами возились не только те тренеры, что прямо отвечали за детские команды, но и их более опытные коллеги, работающие с мастерами. Они опекали юных спортсменов, контролировали их учебу, и мы росли быстро.

Моим первым наставником был Виталий Георгиевич Ерфилов. Про таких говорят, что они обладают хорошим глазом. Володя Лутченко, Владислав Третьяк, Вячеслав Анисин, Александр Бодунов, Юрий Лебедев – все они прошли через руки Виталия Георгиевича. Заботливый, душевный человек, он мог прийти ко мне домой, если я пропустил тренировку, чтобы узнать, не заболел ли я. Он постоянно интересовался нашими отметками, взаимоотношениями со школой и учителями. Интересовался тренер и отношением родителей к хоккею, расспрашивал их, как мы ведем себя дома, помогаем ли по хозяйству, не отказываемся ли помочь, ссылаясь на занятость. И мы относились к Виталию Георгиевичу как к одному из членов семьи.

Многим обязан я Борису Павловичу Кулагину. Именно он угадал во мне задатки хоккеиста. Это он посоветовал Анатолию Владимировичу Тарасову отозвать меня из армейской команды. И научил меня Кулагин многому и, главное, исподволь привил трудолюбие, способность переносить тяжелейшие нагрузки, без которых немыслим сегодняшний хоккей.

Когда я был мальчиком, то считал, что хоккей – это вечный праздник, в котором единственное огорчение – проигрыш. Игра всегда была в радость, тренировки требовали немного силы и времени. Хоккей был в ту пору для меня лишь прекрасным увлечением. Необязательным увлечением. Но когда я подрос, окреп, когда стали приглашать меня в команду мастеров, то я вдруг столкнулся с совершенно иными требованиями: теперь меня ждали иные по содержанию тренировки, чрезвычайно объемные тренировки, и Борис Павлович не раз напоминал мне, что хоккей – это не только сбор урожая, что, конечно, само по себе тоже требует немало сил, но и посадка и уход за будущим урожаем. Это труд на тренировках, нелегкий труд, постоянный труд.

Фигурист Александр Зайцев как-то рассказывал, что к Ирине Родниной и к нему обращаются девочки и мальчики с письмами, проникнутыми восторгом и легкой завистью. Жизнь, мол, у вас – праздник: сверкающий лед, цветы, овации, переполненные стадионы, путешествия в разные страны. И сколько бы Зайцев ни напоминал, что выступление фигуристов длится всего пять минут, а подготовка к этому выступлению – месяцы и годы, юные поклонники спорта почему-то этому не верят. Не верил рассказам о громадных нагрузках большого спорта и я, думал – запугивают,

но вот в команде ЦСКА осмотрелся, поговорил с тренерами и понял, что знал хоккей лишь понаслышке. Хоккей не терпит лентяев, хвастунишек, говорунов, и это Борис Павлович Кулагин объяснил мне без лишних предисловий. Только любовь к хоккею, беззаветная, безоговорочная, может тебе помочь.

Бегония Харламова, мать Валерия Харламова

Как сейчас помню, приехал он 8 марта. С утра я все ждала от него весточки: у нас в семье дети приучены уважать родителей, с праздником поздравлять, преподносить цветы, подарки. А тут ничего. Какой же это праздник? Расстроилась, принялась полы мыть. Вдруг звонок в дверь. «Кто там?» – спрашиваю. «Мам, это я». Валерик приехал! Снова в Москве будет играть. То-то радости у нас в семье было: снова все вместе! Вроде и немного времени прошло, а возмужал сын заметно.

Владимир Богомолов, мастер спорта СССР

По возвращении в 67-м году из Минска, когда Валеру начали пробовать в команде мастеров, Тарасов совершенно неожиданно предложил мне тренировать мальчишек. Я согласился. Теперь виделись мы с Валерой реже. Я подбадривал его, чтобы не тушевался среди мастеров, где что ни хоккеист, то член сборной. Тяжело ему было: ни физических данных впечатляющих, ни звонкого, пусть и на юниорском уровне, имени. Мои новые заботы волновали друга. По воскресеньям мы с ним брали группу за город, выезжали куда-нибудь в лес. Проводили с мальчиками занятия на развитие силы и ловкости, быстроты и выносливости, используя холмы, ямы, валуны, кусты. Страсти разгорались, когда целыми пятерками лезли на дерево – кто быстрее? Потом разводили костер, обедали и после короткой передышки обязательно устраивали футбол против взрослых из соседней деревни. Возвращались все довольные. Ребята не слонялись по дворам, мы с Валерой, как и прежде, целый день были вместе.

Позже он уехал на сбор в Кудепсту. А когда снова увиделись, друга своего не узнал. Мощные ноги и руки, какая спина, брюшной пресс! Мышцы так и играли по всему телу. Домой вернулся атлет, хоть лепи с него античного героя.

Но и после этого Харламов в состав не попадал. Зашел к мастерам, а его нет. Объяснили: «Харламова с Гусевым в Чебаркуль отправили». По скупым протоколам в «Советском спорте» следил за местной «Звездой». Радовался, что много забивает.

…Мартовским днем я вел занятие на «коробочке», которую заливали рядом с Дворцом ЦСКА. Вижу, Валера идет: «Здорово! Ты надолго пожаловал?» Он был полон надежды: «Привет, Володя. Вроде берут в команду».

Армейцы собирались в турне по Японии. Харламову сказали, что едет. В назначенный час он явился с чемоданом. А ему: «Ты не едешь. Едет Смолин».

Валера был вне себя. Говорил мне: «Брошу все. В “Спартак” уйду. Докажу… не могли по-человечески сказать…»

Но никуда, конечно, не ушел. Одолел и это. А по возвращении из Японии Тарасов стал подыскивать замену Вениамину Александрову. И пробил час Валерия Харламова…

Судьба не раз приостанавливала его целенаправленное движение. Может быть, именно это побуждало Валеру черпать и

черпать ресурсы своего таланта. Ресурсы, о которых порой ни специалисты, ни он сам не подозревали.

А родник не иссякал…

Михайлов – Петров – Харламов

Жизнь человеческая – это будни, дела, повторяющиеся изо дня в день, какие-то житейские мелочи, на первый взгляд несущественные, но решающие многое. Вот и хоккей – это не только и не столько чемпионаты мира или захватывающие поединки ЦСКА со «Спартаком», сколько тренировки и тренировки, общение ежедневное, ежечасное с одними и теми же людьми. И прежде всего с партнерами по звену.

В основном составе ЦСКА Харламов вышел на лед 10 марта, причем снова против новосибирской «Сибири». Играл он в тройке с Викуловым и Полупановым, подменяя Фирсова. А 23 апреля 1968 года он забросил в ворота «Крыльев Советов» свою первую шайбу в команде мастеров. В конце сезона сформировалось так называемое молодежное звено ЦСКА, тройка Харламов – Смолин – Блинов.

Однако закрепиться в основном составе ЦСКА Харламову удалось только в следующем сезоне, когда сформировалась их великая тройка Михайлов – Петров – Харламов. В этой тройке Валерий заменил знаменитого ветерана, капитана команды Вениамина Александрова, которому пришло время покидать спорт. Михайлов и Петров были уже слаженной командой, но вот третьего форварда найти все никак не удавалось, не складывалась игра. И тут как раз вовремя появился перспективный новичок – Валерий Харламов.

Попав в основной состав, я понял сразу же – здесь иные требования и иная дисциплина. Жесткая дисциплина. И дело не только в том, что это армейский клуб, как порой объясняют положение дел в нашей команде люди, не слишком сведущие в хоккее. Мы исповедуем дисциплину, обусловленную не одними лишь уставами. В лучшей команде любительского хоккея дисциплина иного рода. Да, утром мы встаем, как это предусмотрено временем подъема, и идем спать после отбоя. Но есть ли клубы в хоккее, футболе или регби – и в нашей стране, и в Чехословакии, и в Канаде, и в Англии, – где бы спортсмены, собравшись на предматчевый сбор, не подчинялись строгому распорядку дня, где бы тренеры не требовали неукоснительного соблюдения режима?!

Я говорю о другой дисциплине. Об отношении к хоккею, о выполнении хоккеистами своих обязанностей на площадке. Я говорю о преданности хоккею, о строжайшем выполнении установок тренера на матч, о тактической игровой дисциплине.

Анатолий Владимирович Тарасов требователен во всем, что так или иначе связано с хоккеем, и потому любое отклонение от правил, норм, традиций армейского клуба, любая, как он считает, измена хоккею строго наказываются. И если во время тренировки хоккеист (не важно, новичок или семикратный чемпион мира!) позволит себе передышку, не предусмотренную тренером, то провинившемуся, даже если он трижды олимпийский чемпион, житья на тренировке уже не будет.

Однажды во время занятий у меня развязался шнурок ботинка, и я остановился, нагнулся, чтобы завязать его, а Тарасов, заметив, что я на несколько мгновений выключился из тренировки, тут же перешел на «вы», что являлось у него высшим признаком недовольства:

– Молодой человек, вы украли у хоккея десять секунд и знайте, что наверстать их вам не удастся.

Эпизод этот довольно показателен. Без труда я мог бы припомнить и дюжину других. Анатолий Владимирович дорожит каждой секундой тренировки и требует такого же, как он однажды сказал, «святого отношения» к нашей любимой игре и от всех спортсменов.

Я попал к Тарасову, когда только начинал формироваться как мастер, играл и тренировался под его руководством многие годы и в ЦСКА и в сборной страны, и именно этот выдающийся тренер сыграл решающую роль в моей спортивной судьбе.

На занятиях, которыми руководит Тарасов, никогда не бывает пустот, простоев. Он всегда полон идей, порой весьма неожиданных, полон новых замыслов, которые нужно проверить сегодня, сейчас же. Не бывает так, чтобы Анатолий Владимирович пришел на занятия без новых упражнений. Он еще до выхода на лед разъяснит нам новинку и обязательно проверит, приняли ли мы его идею, поняли ли, для чего она необходима.

На льду Тарасов – маг, волшебник. Уже несколько поколений хоккеистов называют его великим тренером, чей авторитет, глубина суждений о хоккее не подлежат сомнению. Под его руководством команда ЦСКА почти два десятка раз становилась чемпионом Советского Союза. Думаю, что только специалисты-статистики смогут точно установить, сколько чемпионов мира вырастил Анатолий Владимирович в армейском клубе, сколько мастеров из других команд, признанных, опытных мастеров, едва ли не заново открывали свои возможности, сталкиваясь с Тарасовым в сборной страны.

Тарасова обуревали новые мысли и идеи и перед каждым матчем. С каждой командой Тарасов стремился играть по-разному. И если нам предстояли почти подряд два матча с главным нашим

соперником – «Спартаком», то на каждую игру у него обязательно был продуман свой план действий.

По Тарасову, тактическая, игровая дисциплина – это непреложный закон, но в то же время от нас требовали творчества, импровизации.

Начинается матч. Все игроки еще под впечатлением напутствий тренера. Они играют строго в соответствии с предложенным планом, все идет как надо, и все-таки… Инициатива у нас, а счет не открыт. И вот звучит команда: «Смена!» Усаживаемся на скамейку. На льду вместо нас другая тройка, а Тарасов встает со стула, подходит к нам, и мы слышим:

– Вы что, роботы? Вы же художники, артисты! Вы все знаете. Вносите в игру свои краски. Больше хитрости!

Его любимый вопрос: чем ты обогатил свое задание? И совсем не просто было угадать грань между верностью истине и правом на домысел. Этому умению Анатолий Владимирович учил нас настойчиво, день за днем, сезон за сезоном, пока наконец хоккеист не осваивал искусство импровизации в рамках игрового задания.

Мы знали, что наш тренер не прощает трусости, лени, халатного отношения к игре. Если кто-то в пылу схватки «заведется», нарушит правила и попадет на скамью штрафников, то тренер не будет сердиться, но если кто-нибудь из его учеников сыграет осторожно, трусливо, если кто-нибудь попросту испугается, уклонится от единоборства, а потом, маскируя свой промах, полезет драться, то ему достанется по первое число.

Анатолий Владимирович любил сравнивать хоккей с боем. Он считал, что в спорте действуют те же нравственные и психологические законы: каждый имеет право рассчитывать на помощь партнера, товарища, и никто не имеет права подвести друга. Не устоишь, не выдержишь напряжения схватки – образуется брешь, залатать которую в ходе боя трудно.

Максимализм знаменитого тренера не знал пределов. И этот максимализм не ограничивался бортами хоккейной площадки: вся жизнь, весь быт, утверждал Анатолий Владимирович, должны быть подчинены хоккею. Исключений из этого правила для настоящего мастера нет. И не может быть.

У меня не шел бросок. Бросал я хотя и неожиданно и точно, но не сильно, и тренер поставил передо мной задачу: когда в руках у меня нет клюшки, заменять ее теннисным мячом, сжимать и разжимать его, непрерывно вырабатывая силу рук. И я не расставался с теннисным мячом. Но однажды, торопясь в столовую, я забыл мячик, и Тарасов, тут же заметив, что мяча в руках у меня нет, строго спросил:

– А где мячик?

Я пытался объяснить, что иду обедать, но Анатолий Владимирович был непреклонен:

– Куда бы ты ни шел, мяч должен быть с тобой. Заниматься с Тарасовым было интересно. Хотя и трудно. Очень трудно. Но усилия наши окупались сторицей. Многоопытный тренер замечал все, и это помогало спортсмену. Когда я был помоложе, Анатолий Владимирович буквально после каждого матча находил у меня недостатки, и я порой удивлялся. Ведь команда выиграла, и с крупным счетом, и наше звено набросало кучу шайб – так в чем же дело? Но Тарасов утверждал, что я плохо маневрировал. Через два дня выяснялось, что маневр у меня стал получше, но я не использую смену ритма. А потом тренер обращал внимание на то, что я выдал всего лишь два точных паса.

Анатолий Владимирович неизменно подчеркивал мои сильные стороны, но не давал возможности примиряться со слабыми.

Перед каждым матчем он умело настраивал свою команду. Нас трудно было чем-нибудь удивить, и порой перед установкой на игру мы были настроены скептически: для чего лишние разговоры, мы и так все знаем? Знаем, чем силен «Спартак» и чем опасна сборная Чехословакии. И тем не менее Анатолий Владимирович нередко приводил нас в изумление, раскрывая ту или иную неведомую нам деталь, а то вдруг заводя разговор не о силе соперника, а о его слабости. А вот перед встречей с соперником слабым Анатолий Владимирович мог так расписать мощь и коварство хоккеистов «Сибири» или сборной Швейцарии, что у молодых игроков от волнения начинали предательски дрожать коленки.

Но если в пределах хоккейной площадки Анатолий Владимирович, безусловно, наивысший судья и авторитет для всех хоккеистов – и новичков и ветеранов, – то за ее пределами он не раз подвергался критике. Одни полагали, что Тарасов абсолютно прав во всех своих конфликтах с игроками – это моя такая публика, им только сделай поблажку, сразу на голову сядут. Другие же полагали, что от тренера требуется более сердечное отношение к игроку, умение прощать его маленькие слабости, а если не прощать, то хотя бы понимать, ведь фанатизм порой утомляет. С Анатолием Владимировичем всегда было и интересно и вместе с тем тяжело. С ним не расслабишься, не пошутишь. Чувствуешь себя во всем скованным. И все разговоры в конечном счете сводятся к одному – хоккею. А иногда так хочется расслабиться, забыть о нем.

Конфликты Анатолия Владимировича с хоккеистами не редкость. Все, кто интересуется хоккеем, слышали о них. Я готов понять обе стороны. И тренера. И игроков. Понятны

требовательность тренера, его фанатизм, безграничная и безмерная любовь к хоккею. Понятно его желание, его стремление требовать такого же отношения к хоккею и от спортсменов. В конце концов он подает личный пример такого беззаветного служения хоккею (я взял термин из лексикона Анатолия Владимировича), но… не каждому такой максимализм по плечу.

Всеволод Бобров, заслуженный тренер СССР

В тройку к Петрову и Михайлову Валерий Харламов был подключен несколько позже, примерно в конце 1968 года.

Отлично помню матч его дебюта. На лед вышел худенький, небольшого роста паренек. На разминке он выглядел эдаким насупившимся воробышком – ударил два или три раза по воротам, столкнулся с кем-то из армейцев и отъехал к борту. Не то обиделся, не то почувствовал себя неловко.

– Вроде бы лапша, – сказал пристально наблюдавший за ним Володя Мигунько.

Но уже после первого периода, в перерыве, он, вытирая полотенцем залитый потом лоб, признался:

– Ошибся. Силен парень!

Я улыбнулся: дорого далось это Володе. Валерий несколько раз на огромной скорости обходил его и других наших опытных защитников, демонстрируя безупречную обводку.

Обводка – вот одна из страстей и одна из самых сильных сторон этого игрока. На первых порах он даже злоупотреблял ею, но потом все образовалось, и Валерий поставил ее на службу звену. Его скоростные проходы, его филигранный дриблинг позволяют ему стремительно проходить в зону, оставляя за спиной защитников соперника, или, наоборот, притягивал их как магнитом к себе. Это открывает оперативный простор для партнеров.

Понаблюдав игру Валеры, наши ребята стали через некоторое время говорить:

– Этот парень чем-то смахивает на Веню…

Действительно, по своей технической подготовке, по богатству и отточенности освоенных приемов, по изяществу их исполнения на колоссальной скорости Валерий и впрямь похож на своего знаменитого предшественника Вениамина Александрова. Так же, как у него, страсть Валерия – атака.

Эти качества учли тренеры команды, учли партнеры: Валерий во время обороны своих ворот как бы умышленно чуть отстает, чтобы при первой же возможности рвануться вперед. Он как дамоклов меч всегда «висит» над воротами соперников, всегда готов броситься вперед, чтобы лично забить гол или создать голевую ситуацию партнерам.

Леонид Трахтенберг, спортивный обозреватель газеты «Московский комсомолец»

Будущие партнеры Харламова – Михайлов и Петров до его возвращения из Чебаркуля, где он играл в одной из команд, знакомы с ним не были. Видеть, наверное, видели, но не запомнился он им как-то: не до него, вероятно, было.

Но что-то происходило внутри ЦСКА, неправдоподобное для непосвященных, если к сообщениям о шайбах, заброшенных каким-то Харламовым в Чебаркуле, тренеры армейцев прислушивались очень внимательно. Тем временем Михайлов и Петров, к удивлению многих, доказали свое право играть в тройке с Вениамином Александровым. Тройки, однако, не было.

Был великий Александров. И были два игрока, для которых Тарасов, похоже, видел предназначение в завтрашнем дне.

Именам отводилось место в истории. В составе же команды незаменимых не существовало. Тренер говорил и писал о влиянии Александрова на Михайлова и Петрова. Но видел он, что влияние это во многом – препятствие для роста молодых, обретающих уверенность. И потом тройка – это взаимовлияние. А уж на Вениамина Александрова Петров с Михайловым никак не влияли.

Александров был великим. Харламова никто еще в расчет не брал. Но Михайлову а Петрову, чтобы стать кем-то, требовался как раз не уважаемый и непререкаемый Александров Вениамин Вениаминович, а неведомый им Харламов.

Лидерство Александрова ничего им не обещало.

Лидерство же Харламова разрешало все сомнения в том, что они – тройка форвардов сильнейшего в Европе клуба.

Лидерство Харламова в тройке было столь же необычным, как и характер его игры. Он не вел за собой, как Борис Михайлов, не подавлял совершенством стати, как Владимир Петров. Он не был и солистом в привычном понимании. Он и забивал меньше, чем партнеры. А пасовал им вначале и вовсе редко. Просто ситуации, им создаваемые, сами по себе открывали товарищам отменный шанс непосредственно атаковать ворота.

В нюансах, создаваемых Валерием в игре, было нечто от химии. Происходила не видимая невооруженным глазом реакция – комбинация не разыгрывалась, а как бы синтезировалась. Неповторимость плохо сочетается с модой. А с другой стороны,

неповторимость часто стараются объяснить модой…

Неповторимость Харламова объясняли элементарно – нестандартной обводкой. Но за скучным словом виделась всем поразительная картина: форвард, знающий самый короткий путь к воротам, движущийся по прямой на защитников, когда последний ход практически не предсказуем, а последствия его для соперников драматически очевидны. Говорили – и Харламов с этим не спорил – форвард сам не знает, что сделает в следующее мгновение.

Нестандартная обводка – производное от хоккейного таланта Харламова вообще. Некий фирменный знак неограниченности его возможностей на ледяной площадке. В своих решениях он исходил от щедрости, подчинял игре обстоятельства. Тренеру Тарасову хотелось сыграть этой козырной картой еще оригинальнее – подтвердить харламовским талантом свои теоретические выкладки. Он тянул Харламова в тройку с Фирсовым и Викуловым, а позже и к молодым партнерам. И Харламов играл с ними вполне удачно.

Михайлов же с Петровым неизменно играли рядом и жили в одной комнате на сборах. Становились чемпионами. Отмечались как лучшие, результативные. Однако когда действовали раздельно.

Не обижая тренеров, возглавлявших армейский клуб и сборную, можно смело сказать: тройка Петрова изначально конструировалась изнутри на отношениях, возникших в самом начале общения и сохраненных стойкостью человеческих начал, заложенных в каждом из троих.

Журналисты иногда зачисляют в друзья-соперники целые команды. Что уж тут сомневаться в обязательной дружбе между партнерами? Между тем дружба между звездами в команде – редкость. Что вовсе не противоречит корректным и доброжелательным отношениям в быту, ответственности в понимании единых задач перед товарищами и самим собой.

Словом, человеческая дружба между лидерами и самое идеальное партнерство – не одно и то же. А Михайлов, Петров и Харламов были друзьями. И жертвы, приносимые партнерству, были для них почти неотделимы от жертв, приносимых ради сохранения дружбы. Дружбы отнюдь не идеалистической, ставшей фактом, немаловажным и для спортивной истории.

Годы и годы судьба Харламова становилась невольным испытанием этой службы. Его отделяли, его выделяли, ему отводили особое место. Правда, в сравнении с другими известными мастерами и Михайлова и Петрова тоже выделяли. Но не всегда найдутся силы для самообладания, когда высшая

похвала адресована не тебе, а партнеру. У Михайлова с Петровым силы для этого всегда находились, раздражение, если и возникало, всегда закрашивалось юмором, никогда не изменявшим им при всей их горячности, вспыльчивости.

Партнеры относились к Валерию с некоторой снисходительностью старших к младшему. Словно у них, а не у него возрастная фора.

Наверняка и Харламов интуитивно понимал, что рост мастерства Михайлова и Петрова еще продолжается, тогда как на достигнутой им высоте расти все труднее. Во всяком случае, он чаще других не страшился заговаривать о конце карьеры и откровенно горевал на проводах выдающихся мастеров: «Скоро и моя очередь придет…» С другой стороны, всем, вероятно, приходят такие мысли в голову, но они из суеверия их скрывают. Он же, Харламов, непостижимый на площадке, в жизни обычно был распахнут настежь.

Всеобщая любовь никогда не делала его суетливым, как нередко происходит с известными людьми. Хотя и в скромность никогда не играл.

…Был, правда, случай, когда он заметно обрадовался выраженной ему окружающими любви.

Перед собранием – встречей с новым для армейцев и сборной тренером, готовым предложить всем, невзирая на лица и прошлые заслуги, повышенные нагрузки и ответственность, Харламов, встревоженный внутренне, а внешне подчеркнуто беспечный, забежал на минуту в здание городского аэровокзала. Его узнавали, ему улыбались, оборачивались вслед. Обрадовались встрече улетавшие куда-то футболисты, среди которых были уж самые громкие имена. Пошутив с Ириной Родниной, он пошел дальше, не скрывая от спутников улучшившегося настроения: «Все меня любят».

Борис Михайлов

Харламов – воспитанник клуба. Видели парня много раз на тренировках, примелькался. Честно говоря, никак его не встретили – ни горячо, ни прохладно. Уж стольких игроков с нами перепробовали, а никак наша тройка не могла устояться. Показался, не показался он нам – мы тогда так не рассуждали. Мы были молоды и честолюбивы, думали только об одном – закрепиться в основном составе. Новичок был тогда для нас не Валерой, не другом, а лишь кандидатом в партнеры.

Но вот мы начали играть вместе и поняли: игра пойдет. И мы так определили, и тренеры. И дело тут не в первом же результате. Результат был, можно сказать, самый плачевный. Играли мы первый матч с Харламовым в октябре 1968 года в Горьком на стадионе автозавода. И проиграли – 0:1. ЦСКА вообще редко проигрывал, а с таким футбольным счетом и подавно. Казалось, за такую беспомощность в атаке тренер уж точно разгонит нас. Но не разогнал. Или лучшего варианта звена у него в тот момент не было, или увидел, что мы можем и должны заиграть, кто знает? Но точно то, что были мы все трое «на скорости», могли много бегать. Все трое хотели и – главное – любили играть в хоккей. Не трудиться на льду, а именно играть. И как только почувствовали, что игра у нас ладится, как только научились чувствовать товарища, интуитивно угадывать его следующий ход, стали получать мы от игры истинное удовольствие.

В игре наши «я» растворялись в тройке, и это тоже было радостно. Знаете, это очень острая радость – радость полного взаимопонимания. Даю слово, нам было абсолютно безразлично, кто забрасывал шайбы, лишь бы тройка записывала на свой лицевой счет как можно больше…

Валера забил двести девяносто три, Володя Петров – триста шестьдесят две, а я – четыреста двадцать семь. А по голевым передачам Валера был среди нас на первом месте. И уже одно это качество делало его необыкновенно ценным игроком для тройки. Мы ведь редко сольные голы забивали, больше после комбинаций, в которых последняя голевая передача стоит не менее гола, а порой и больше. Можно смело сказать, что в нашей тройке тотальный хоккей существовал много раньше голландского тотального футбола.

И, наверное, естественно, что наше тотальное товарищество на льду сделало нас друзьями и в жизни…

Поддержали нас и защитники Виктор Кузькин и Владимир Брежнев. Они были опытнее нас. Много полезного подсказывали.

И играя с ними, мы за свой тыл не опасались, смело мчались вперед. Наверное, обратили внимание, еще с той поры у нас Петров всегда больше впереди играл, в отличие от других центральных нападающих. Его позже за это критиковали. Но действовал он не потому, что ленился или не успевал в оборону, а просто так у нас уже сложилась комбинационная игра в нападение.

Владимир Петров

Впервые с Харламовым играли мы в Горьком в октябре 1968 года. Проиграли тогда – 0:1. Но постепенно наладилось дело. У нас как-то так получилось, совместимость чисто человеческая была гигантская. И по манере игры дополняли друг друга. Валера виртуоз, ловкий, как чертенок, на клочке льда мог двух соперников обыграть, да еще лбами столкнуть. Борис Михайлов – резкий, колючий, всегда на воротах – забить, добить, затолкнуть шайбу готов в любую секунду. И я – с фигурой, мы раньше других стали силовую борьбу сами искать, с «ходом» – еще от русского хоккея.

У Валеры дриблинг, конечно, был еще, когда он в Чебаркуле играл, да кто его там из тренеров мог видеть?..

Втроем заиграли мы лихо, много забивали.

Тарасов «двинул» нас в сборную. Влияние у него в ту пору было огромное. Правда, так же легко мог и «задвинуть».

Дебютировали мы на московском декабрьском международном турнире. С 1 по 4 декабря в Лужниках в один круг играли две советские сборные, национальная команда Финляндии и любители, слегка разбавленные бывшими профессионалами вроде защитника Боуэнса из Канады. Мы были во второй сборной, которой руководили В. Егоров, А. Кострюков, И. Эшлтейн. Первой сборной, где тоже было немало дебютантов, мы уступили – 2:5, с финнами сыграли вничью – 2:2, а канадцев обыграли – 4:3, причем все четыре шайбы наше звено забросило…

На московском международном турнире мы свою репутацию перспективных хоккеистов подтвердили, и нас включили в состав сборной в турне по Канаде. Валера сыграл тогда все матчи. А мы с Михайловым по игре пропустили. Для нас это была отличная школа хоккея. Как-то сразу мы усвоили, что с канадцами надо играть по принципу один – за всех и все – за одного. И в острые моменты друг друга в обиду не давать. Нагрузки физические, конечно, были большие: много матчей да еще постоянные перелеты, переезды. Мы выдержали все это достойно и, понятно, обрели уверенность в своих силах. Да и тренеры после этого в нас меньше сомневались.

В декабре 1968 года всю тройку Михайлов – Петров – Харламов вызвали во вторую сборную СССР на международный московский турнир, который впоследствии стал называться турниром на приз газеты «Известия». В матче с командой Канады, выигранном нашей сборной со счетом 4:3, все шайбы забросила

их тройка, поэтому сразу после турнира их пригласили уже в основную сборную Советского Союза на две выставочные игры с Канадой.

6 декабря 1968 года Валерий дебютировал в первой игре за сборную, и с тех пор тройка Михайлов – Петров – Харламов прописалась в ней надолго. Ну а первая настоящая слава пришла к Харламову в марте 1969 года на чемпионате мира в Стокгольме. Он сыграл во всех десяти матчах, забросил шесть шайб и сделал больше всех в нашей сборной голевых передач. По системе гол плюс пас он в мировой Табели о рангах стал пятым.

Отбросим в сторону разговоры об идеальных партнерах, об идеальных спортсменах и поговорим о живых, конкретных людях, о прекрасных хоккеистах – Борисе Михайлове и Владимире Петрове.

Мы вместе испытывали радость больших побед, вместе – что еще важнее – добивались их, вместе огорчались в случае неудачи.

Здесь самое время напомнить о том, что в ту пору наш тренер решал проблему третьей тройки. В первом звене играли первоклассные мастера – Анатолий Фирсов и молодые, но уже успевшие к началу сезона 1968/69 года стать трехкратными чемпионами мира и олимпийскими чемпионами Владимир Викулов и Виктор Полупанов. Надежно было и второе звено, где также играли олимпийские чемпионы – Евгений Мишаков, Анатолий Ионов и Юрий Моисеев. А вот проблема третьего звена решалась медленно.

Сейчас я понимаю, почему. Это только так говорится – третье звено. На самом деле перед Тарасовым стояла труднейшая задача: он искал замену хоккеистам тройки «А». Трем великим асам хоккея, которые один за другим покидали лед, нужна была смена. Ушел Константин Локтев, ушел Александр Альметов. Оставался последний из могикан – Вениамин Александров. Он играл то вместе с Михайловым и Петровым, то с Михайловым и Смолиным, играл со мной, играл с Фирсовым, подключались в состав тройки и другие хоккеисты, и по мрачному лицу Тарасова можно было догадаться, что опять «не то», снова «не то».

Недовольство тренера понятно: перед его мысленным взором была великолепная игра испытанной тройки «А». Мы все на ее фоне проигрывали, а я тогда ясно чувствовал, что мне далеко до Александрова, и был готов к тому, что завтра на тренировке услышу о новом составе звена.

Но я ошибался. Тарасов уже решил, каким будет новое трио, и после нескольких проверок остановился окончательно на том варианте, который показался ему самым перспективным – Михайлов – Петров – Харламов. И вскоре нас стали считать

первой тройкой советского хоккея. Тройкой «А».

Хоккейная тройка – это коллектив. Своеобразный «производственный» коллектив. Не случайно нас называют звеном. А первое условие успешной деятельности коллектива – психологическая совместимость. Еще лучше, если дружба. Три мастера, даже очень хороших, не станут сильным звеном, если не будут понимать друг друга, уважать друг друга, исповедовать одни и те же принципы хоккея.

Это тем более важно, если речь идет о долголетнем сотрудничестве. Тут взаимная симпатия, готовность помогать друг другу, прощать ошибки особенно необходимы.

А мы очень разные. Разные во всем. Разные люди нас привлекают. Разные книги интересуют. И разные взгляды на самые серьезные да и не слишком серьезные проблемы делают нас очень несхожими. Мы много спорим. А тем более на тренировках. И особенно во время подготовительных сборов, когда живем вместе. Это только на чемпионатах мира и на Олимпийских играх я живу с другими, чаще всего с Александром Мальцевым. Но наша дружба на льду, одинаковое понимание не только принципов игры, но и – что не менее существенно – одинаковое отношение к игре помогают нам преодолевать все, что разделяет нас.

Если меня спрашивают во время учебно-тренировочного сбора, в дни зарубежной поездки, что делают сейчас, в эту минуту, Михайлов и Петров, я всегда могу ответить, не опасаясь ошибки: спорят!

Юрий Лукашин, ответственный секретарь журнала «Спортивные игры»

Свою первую шайбу в чемпионатах СССР Валерий Харламов забросил 23 апреля 1968 года в ворота «Крыльев Советов», которые защищал тогда Виктор Полупанов.

Свой последний гол в чемпионатах СССР он забил 14 мая 1981 года в ворота московского «Динамо», защищал которые Владимир Мышкин.

Всего на его счету в чемпионатах страны 293 шайбы.

Свою первую шайбу на чемпионатах мира Харламов забросил 15 марта 1969 года в ворота американского вратаря Майка Каррэна.

Интересно вспомнить отчет об этом матче.

«Интерес к матчу СССР – США (начиная с 1961 г. наши хоккеисты, как правило, меньше семи шайб в ворота американцев не забрасывают, а однажды забросили даже 13!) подогревался одним обстоятельством. Никогда еще за всю историю выступлений советской сборной на чемпионатах мира в ее составе не было сразу столько дебютантов – 7! Правда, все они уже успели сыграть около десяти матчей с канадцами, но товарищеские встречи не идут в сравнение с официальными. Как-то проявят себя новички?

Поначалу вполне понятная нервозность у дебютантов. А тут еще удачно пошла игра у американского вратаря Каррэна. Излишне горячился Харламов. Хуже обычного распасовывал Петров. Да и Михайлов ошибался. В этот отрезок матча, пожалуй, не было у дебютантов больших болельщиков, чем А. Чернышев и А. Тарасов. Ох, как им хотелось, чтобы новая тройка нашла себя!

Нужен был гол. Есть что-то символическое в том, что счет открыл Старшинов. У этого хоккеиста удивительное качество – «Я постоянная нацеленность на гол. И чем труднее игра, тем злее Старшинов. Вот и во встрече с американцами, когда шайба никак не хотела попасть в ворота, капитан команды шел и шел вперед, как бы доказывая молодым: «Ничего страшного нет, должны мы забить!»

Наконец долгожданный гол. И вторую шайбу забросил капитан. Американцы как-то сразу сникли, и в этот момент пришло вдохновение к молодой тройке. А когда Михайлов с подачи Харламова забил третий гол, то все наши хоккеисты

кинулись их поздравлять.

Не одну бессонную ночь провели А. Чернышев и А. Тарасов перед отъездом из Москвы, прежде чем принять решение и включить в состав Петрова и его партнеров. Наметанный тренерский глаз в этом голе увидел, что и здесь, в Стокгольме, молодежь выдержит испытание».

Так состоялся дебют Валерия Харламова на «самом высшем уровне». Тот матч закончился со счетом 17:2, сам Валерий забил всего один гол, но два гола с его острых передач провел Борис Михайлов и один – Владимир Петров. В том же турнире Харламов забрасывал шайбы в ворота сборной Швеции, которые защищал Лейф Хольмквист; сборной Канады (вратарь – Уэйн Стивенсон), сборной Финляндии (вратарь – Урпо Иленен), сборной ЧССР (вратарь – Владимир Дзурилла). Было на счету Валерия Харламова, особенно в решающих матчах, и немало голевых передач. Так, в матче второго круга с хозяевами турнира – хоккеистами Швеции, который закончился нашей победой – 3:2, все шайбы забили после таких передач Михайлов и Петров, а знаменитый Ульф Стернер сказал после игры: «Эти ребята решили исход матча, и у них, бесспорно, большое будущее».

Но это было лишь начало, а всего на чемпионатах мира и на олимпийских турнирах Харламов забросил 87 шайб.

Владислав Третьяк

Харламов был всегда открыт, откровенен, я бы сказал, широк в общении. Могу даже добавить: завидно широк. Действительно, это далеко не всем дано Люди тянулись к нему, по-моему, совсем не так, как обычно тянутся к знаменитостям спортивного мира, – я имею в виду любопытство, зачастую перерастающее в бесцеремонность, которая, конечно же, не может не раздражать или огорчать.

Валерия все, пожалуй, искренне любили, считали человеком себе близким, но доступностью его не злоупотребляли – в отношении к нему чувствовалась какая-то бережность. Во всяком случае, именно такое впечатление у меня создавалось.

Интересная вещь: на моей памяти у него никогда не было конфликтов с такими разными по характеру тренерами, как Тарасов, Бобров, Кулагин, Локтев. Что в общем-то редкость для игрока подобной самостоятельности. Но тренеры любили его точно так же, как товарищи и публика.

Сейчас вдруг подумал: а в пользу ли Валерия все это говорит? Как можно быть одинаково милым всем без исключения? Нет ли здесь определенной обтекаемости, беззубости?

Утверждаю, что нет – ни в малейшей степени.

Харламов был добр, очень добр, более того – великодушен.

Принято считать, что к вратарю в команде отношение особое, его словно хотят освободить от отрицательных эмоций, берегут его нервы. В значительной мере это справедливо. Но большие игроки – люди, как правило, с нелегкими характерами. Они много отдают игре, многого требуют от себя. Они потому, наверное, бывают беспощадны к промахам других, особенно в первые секунды после неудачи. Мне, во всяком случае, приходилось выслушивать немало горьких слов от ведущих игроков разных поколений. Я старался не обижаться, понять их, но все равно тяжело переживал критику… И вот вспоминаю, что от Валерия Харламова я за все годы ни разу не услышал ни единого упрека. Он, наоборот, всегда спешил утешить.

«Не обращай внимания», – говорил, хотя вряд ли сам умел спокойно, хладнокровно пережить неудачу. Он был спортсменом, бойцом, каких мало…

При всей открытости своей он был совсем не прост. И понятен, я думаю, далеко не всем. Мне, разумеется, в том числе.

Владимир Ульянов, обозреватель журнала «Спортивные игры»

В течение пятнадцати лет мне довелось фотографировать Валерия Харламова – с того самого 1968 года, когда он появился на тренировках хоккейной команды мастеров ЦСКА. Я часто бывал в этом клубе, встречаясь с членом редколлегии журнала «Спортивные игры» старшим тренером команды Анатолием Владимировичем Тарасовым. Он-то и посоветовал мне обратить внимание на молодого Харламова.

Чтобы сфотографировать игрока, я зашел к хоккеистам в раздевалку и попросил Анатолия Фирсова показать мне Харламова. Нацелив фотообъектив на шнуровавшего ботинки Валерия, я окликнул его по имени. Он, видимо, удивившись незнакомому голосу, поднял голову и на момент застыл в неподвижности. Тут я и щелкнул затвором аппарата. Этот сделанный неожиданно для игрока, без всякого позирования кадр долгое время оставался моим самым любимым. Последующие попытки сделать хороший портрет были менее удачными: стеснительного Харламова неизменно смущал направленный в упор фотоаппарат.

Восхождение к славе

Легко ли быть звездой? Нет, конечно же, нет! И не только потому, что требуются талант, колоссальное трудолюбие, но и потому, что со звезды огромный спрос. И то, что тренеры, прощают хоккеисту, скажем, из третьей тройки, они ни за что не простят мастеру из ведущего звена.

В итоге получилось, что сезон 1968/69 года он начинал хоккеистом-перворазрядником, а завершил его заслуженным мастером спорта, чемпионом мира и Европы! И это в двадцать лет – до него еще ни один хоккеист Советского Союза не становился чемпионом мира в таком молодом возрасте. Кроме того, он честно выполнил нормативы мастера спорта и мастера спорта международного класса, и теперь уже никто не мог возражать против его закрепления в составе ЦСКА и в сборной СССР.

Мой первый чемпионат мира начинался для меня трижды.

Может быть, и вправду плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, но, откровенно говоря, в декабре 1968 года я думал только об одном – нужно закрепиться в звене, где мне дали место. Нужно сыграться с партнерами как можно быстрее.

Молодежное звено ЦСКА стало кандидатом в национальную сборную страны, и мы начали подготовку к чемпионату мира.

Перед контрольными мартовскими матчами в Финляндии тренеры объявили основной состав и резерв сборной. В основном составе нас было больше, чем могло поехать в Стокгольм, однако после первой встречи с финнами, где мы забросили три шайбы из семи, я вдруг понял, что ничего уже не случится и что нас непременно включат в команду.

Так чемпионат мира начался для меня во второй раз.

И в третий раз он начался в то мгновение, когда, выехав на лед «Юханнесхофа» на первый матч с американцами, мы выстроились вдоль синей линии напротив соперников и зазвучала мелодия, которой открывался каждый из тридцати матчей чемпионата мира.

Это и было главное начало.

«Чемпионат мира глазами дебютанта» – рассказать о своих первых впечатлениях и просто и сложно одновременно. Просто потому, что впечатлений много. Трудно потому, что впечатления эти, как, видимо, и у любого другого дебютанта, будь он хоккеистом, пловцом или стрелком, слишком субъективны, конкретны и оттого могут оказаться интересными лишь узкому

кругу читателей.

Боялся ли я? Нет. Но здорово волновался. Вдруг игра не пойдет? Вдруг даже простой финт не получится?

В первых матчах в начале игры я передерживал шайбу. До сих пор не знаю, чем это объясняется: излишним волнением или желанием доказать всем, что право играть в сборной я действительно заслужил?

У каждого хоккеиста своя манера «включения» в матч. Мне всегда нужно в начале игры подержать шайбу. Игрока, владеющего шайбой, толкают, оттирают, бьют, но когда тебя чуточку «обобьют», ты готов к игре, чувствуешь шайбу, привыкаешь к ней. А если сразу начать играть в пас, то потом в сложных ситуациях можно растеряться, утратить контроль над собой, над своим состоянием.

Наверное, самое важное для дебютанта – понять, что ты не хуже других, что и ты можешь играть на равных с самыми знаменитыми хоккеистами мира. Мне это было тем более трудно, что еще совсем недавно, наблюдая по телевизору за игрой лидеров мирового хоккея, я думал, что мне никогда не подняться до их уровня, что игра такого класса – недосягаемый эталон.

Казалось, теперь перед Харламовым открыта широкая ровная дорога, по которой он беспрепятственно пойдет к славе и успеху. И действительно, довольно долго это было так – с его талантом, трудолюбием, настойчивостью и постоянным самосовершенствованием, он быстро стал лидером тройки, в 1970 году второй раз завоевал звание чемпиона мира, в 1971 году – третий. И при этом его яркость, обаяние и особый стиль игры привлекали к нему сердца всех зрителей, причем не только советских – на международных соревнованиях тоже не было отбоя от мечтающих получить у него автограф.

Годом раньше мы были дебютантами, и спрос с нас был, как с обычных новичков. Потом выяснилось (я говорю об оценках печати и публичных выступлениях тренеров и специалистов), что звено Петрова было на мировом чемпионате 1969 года лучшим, сильнейшим, и естественно, что это мнение мы старались подкрепить своей игрой в чемпионате страны. Высокая результативность, успешные выступления во всех контрольных матчах, игровой авторитет – одним словом, я понимаю, почему чуть ли не каждый собеседник уверял нас перед второй поездкой в Стокгольм:

– Ну уж вы-то не подведете. Теперь у вас опыт, класс…

В нас верили. От нас многого ждали. Слишком многого. И мы

это понимали. Ах, как хорошо понимали! И потому боялись…

Ведь то, что прощают новичкам, нам уже не простят. А завоевать признание, как известно, легче, чем потом удержать его.

Только не подумайте, что я оправдываюсь. Просто ищу объяснения не самой удачной игре тройки. Ведь лишь решающие матчи чемпионата, так сказать, финал турнира 1970 года, мы сыграли как следует.

Тренеры на каком-то отрезке чемпионата здорово ругали нас. Петрова даже снимали с игры. Укоряли тройку за себялюбие, за отсутствие паса. Мы все понимали. Понимали, когда корят нас «по делу», когда «для педагогики». Старались. Пот катил ручьями. И в игре и на тренировках.

Каждый матч мы играли на пределе своих возможностей. Все как будто было при нас, а игра не шла.

Пропала свежесть. Видимо, настал спад спортивной формы, через который проходит каждое звено, каждая команда. И этот спад пришелся у нас на дни чемпионата. И вызван или ускорен он был нашим чрезмерным волнением.

Пожалуй, все началось в первом же матче. В игре со сборной Финляндии. Еще накануне, на тренировке, тренеры хвалили нас, а наутро… Как вы думаете, можно разучиться играть в хоккей за одну ночь? До второго матча с командой Финляндии, а точнее, до повторного поединка со сборной ЧССР мы думали, что можно.

Наш центрфорвард поражал своей результативностью весь сезон. А в Стокгольме Володя Петров вдруг утратил чутье гола, ощущение ворот соперника.

Говорили, что мы мудрим с пасом, советовали играть проще, пусть и не так тонко, хитро…

Пробовали. А игра не шла.

Причина, как я сейчас хорошо понимаю, была довольно проста. Нам очень хотелось доказать, что мы не временщики. Именно потому мы перебарщивали в своем рвении.

К счастью, наши тренеры, хорошо понимающие душевные терзания спортсменов, помогли нам разобраться в том, что происходит, помогли обрести веру в собственные силы, «поймать» свою игру.

Может быть, я и преувеличиваю наши слабости. В конце концов мы забросили 19 шайб, неплохо провели оба матча со шведской командой, вторую встречу со сборной ЧССР. Да и играть нам теперь было неизмеримо труднее: мы уже не были никому не известными новичками, наша манера обсуждалась не только тренерами команд-конкурентов, но даже газетами; соперники, как нам рассказывали, специально готовились к игре против нашей тройки.

И еще одно обстоятельство. Фон, на котором выступало звено. На этот раз у нас была, несомненно, более мощная, чем в 1969 году, команда. Все звенья были надежны. Особенно приятно удивила тройка Старшинова. Ведь там играли хоккеисты из разных команд, а два спортсмена – Якушев и Старшинов – вообще впервые сыграли вместе именно на льду «Юханнесхофа».

Обновление коллектива, слияние новичка с ветеранами – процесс сложный, иногда болезненный. В 1969 году в сборной было семь дебютантов, шла смена поколений, но и в ту тревожную пору мы выстояли, удержались на первом месте. Через год вчерашние новички были уже равноправными членами коллектива, и никто теперь и не вспоминал, что великолепный Саша Мальцев, надежный и основательный Володя Лутченко были год назад новичками. Никто не напоминал Борису Михайлову, Володе Петрову или мне, что мы в сборной всего второй сезон.

Олег Спасский, зам. главного редактора журнала «Советский Союз», ответственный редактор журнала «Спорт в СССР»

Помню весенний Стокгольм 1969 года. Помню порывистого, импульсивного хоккеиста. Заметил тогда – в постоянном напряжении держит не только соперников, но и своих партнеров; пас может последовать в любое мгновение.

Взлет был стремительным. Путь от перворазрядника, лишь от случая к случаю игравшего в основном составе клубной команды, до чемпиона мира и ведущего хоккеиста сборной Валерий прошел за пятнадцать недель. Счастливая спортивная карьера, в основе которой – лучшие черты, отличающие советского спортсмена, всегда несет нравственный, воспитательный заряд, поскольку становится примером, убеждающим тысячи подростков настойчиво идти к цели.

Талант всегда оптимистичен. Оптимистичен по сути своей. Он может проявиться так, может иначе, но обнаружится непременно.

Спросил однажды у Харламова, что такое хоккей.

– КВН!

Валерий расшифровал:

– Ну да, КВН – клуб веселых и находчивых. Состязание в игровом остроумии, в искусстве разгадывать ребусы соперника и, в свою очередь, озадачивать его. Для меня хоккей – арена самоутверждения. Чего мы все стоим? Частично ответить на это помогает и ледовая площадка…

Анатолий Тарасов, заслуженный тренер СССР

Харламов был прост и скромен. Никогда он не капризничал, ничем не хотел отличаться от своих товарищей, независимо от весомости их вклада в общее дело. Предлагал я ему, и не раз, стать капитаном команды, но он отказывался. Предпочитал оставаться рядовым игроком, по сути будучи тем, что входит у социологов в понятие «неформальный лидер».

Как тренер, я был, пожалуй, обостренно нетерпим к любым проявлениям недисциплинированности. У нас в команде не любили лентяев, нарушителей режима. Так вот мне с моим крутым нравом за все годы ни разу не пришлось повысить голос на Валерия. Впрочем, был один досадный случай, который, как ни парадоксально, только укрепил мое к нему уважение. Валерий и один его товарищ провинились в нарушении режима, причем за руку пойманы не были, хотя сомнений у меня не оставалось. Спорт вообще немыслим без строгой дисциплины, а в армейском клубе тем более. Я отдал приказ о наказании обоих. Тот, второй, отпирался и канючил до последнего, а Валерий смолчал. Я спросил его, что, может быть, он тоже считает себя невиновным. И он ответил, что наказание понес заслуженно и вопросов не имеет.

Он вел себя так разумно и, я бы сказал, интеллигентно в контактах с людьми, так себя зарекомендовал в коллективе, что к его мнению прислушивались все. Мне рассказали историю, которой я сам свидетелем не был. Однажды после победы нашей сборной на чемпионате мира и Европы к одному из известнейших игроков подошел наш молодой журналист с просьбой дать интервью. А тот, то ли оттого, что несколько занесся после успеха, то ли просто не очень пришел в себя после тяжелой нервной встряски, в грубой форме отказал репортеру. Да еще и был поддержан своим партнером по тройке, которому эта удаль почему-то понравилась. И тут подошел Харламов, не слышавший начала разговора.

– Да вы что, ребята?! – изумился он. – В своем ли уме? Человек за семь верст киселя хлебать добирался. Ему надо свою работу делать… Что за барские замашки?

С Валерием и молодым спортсменам, и опытным мастерам всегда было хорошо играть, интересно тренироваться, уютно жить во время поездок и сборов. Он в любой момент готов был пожертвовать своими интересами ради команды.

Дмитрий Рыжков, обозреватель газеты «Советский спорт»

Мужество плюс трудолюбие – прекрасные качества. Но они не так уж редки, не столь уж уникальны. И коли речь идет о Валерии Харламове, хоккеисте и человеке в принципе уникальном, продолжим поиск. Поиск слагаемых, составляющих этой личности.

Верность. Так или иначе почти каждый вспоминающий о Харламове употребляет это слово. Он был верен хоккею…

Он был верен своей родной команде ЦСКА…

Он был верен дружбе…

И все эти «он был верен…» – лишь часть одного самого, по-моему, главного: он всегда был верен себе, своим принципам, своим взглядам на жизнь.

Встречаются таланты, которые, будучи возведены на пьедестал, боятся спуститься с него хотя бы на мгновение. Они даже интервью или автографы дают так, словно делают величайшее одолжение. В результате вокруг таких людей возникает, несмотря на их титулы и звания, пустота. А вокруг Валерия всегда были люди. И многочисленные друзья. Ибо восьмикратный чемпион мира, дважды олимпийский чемпион, заслуженный мастер спорта Валерий Борисович был столь же прост в общении, как и известный в 1967 году лишь узкому кругу знатоков, подающий надежды Валера Харламов. Внимательного слушателя и собеседника в нем находили домохозяйка и журналист, солдат-первогодок и генерал, актер и академик.

Рассказывают, у пожилой женщины, жившей в том же доме, где и Харламовы, отмечался день рождения. Валерий, заскочивший после матча домой на пять минут, узнал об этом. Узнал и…

Чуть позже в квартире этой пожилой женщины прозвучал звонок. Переступив порог, Валерий опустился на колено и поцеловал руку именинницы. У него не хватало времени, чтобы купить подарок, чтобы достать – дело было зимой – цветы, но свое искреннее уважение к старшему человеку, женщине, он выразил так, как в наше время мало кто даже рискнет – из-за боязни показаться смешным – выразить. Он не боялся.

К 1972 году он уже безоговорочно считался лучшим хоккеистом не только в Советском Союзе, но и в Европе. Четырехкратный чемпион СССР, трехкратный чемпион мира и

двукратный чемпион Европы – столько званий в его возрасте, кажется, ни у кого еще не было. На чемпионате СССР в 1971 году он стал лучшим бомбардиром, забросив в ворота соперников сорок шайб. В начале 1972 года в составе сборной СССР он завоевал олимпийское золото и стал лучшим бомбардиром турнира, забросив девять шайб, хотя играть ему пришлось не в привычной тройке, а с Владимиром Викуловым и Анатолием Фирсовым – таково было решение Тарасова. Журналисты всего мира буквально гонялись за ним и за всеми, кто мог хоть что-нибудь о нем рассказать.

В матче с американцами, который советские хоккеисты выиграли со счетом 7:2, Харламов и Викулов провели такую скоростную комбинацию, что зрители даже не смогли разглядеть, кто из них забил гол – шайба летала между их клюшками со скоростью, недоступной человеческому глазу. Только видеоповтор помог установить, что в ворота ее отправил все-таки Харламов. Хотя, сказать по правде, это было важно лишь для статистики, потому что сама комбинация была настолько великолепна, что ее можно было в учебники по хоккейному мастерству вносить.

Через два месяца Харламов уже играл в Праге на чемпионате мира, причем опять в новой тройке: Викулов – Мальцев – Харламов. Этот чемпионат наша сборная не выиграла, но больше всех шайб забила именно эта тройка. А Мальцев и Харламов с тех пор стали большими друзьями.

Но все эти соревнования померкли перед главным хоккейным событием 1972 года, о котором с благоговением вспоминают и поныне – перед знаменитой серией матчей между хоккейной сборной СССР и профессионалами Канады, которая стартовала 2 сентября 1972 года на льду монреальского «Форума».

Что нас вело? Что заставляло работать на тренировках с полной отдачей сил? И те волевые навыки, которые вырабатывались на протяжении предыдущих сезонов, и понимание необходимости предлагаемых нам новых нагрузок: и я и мои товарищи снова хотим играть в сборной, хотим, чтобы советский хоккей снова поднялся на высшую ступень пьедестала почета.

Если бы не стремился я стать чемпионом мира, то… Зачем они мне нужны, эти прыжки, зачем нужны сверхусилия?! Так себе, на каком-то уровне (надеюсь, выше среднего) сыграл бы я и без борьбы с собой, без этих ста пятидесяти прыжков и десяти забегов на четыреста метров.

Бывают моменты, когда не хочется ни играть, ни тренироваться. Ничего не хочется: глаза не смотрели бы на лед, на

шайбу и на клюшку. Тем более, трудно справиться с апатией в неудачном сезоне.

Уговариваешь себя потерпеть час-полтора, собраться с духом, с силами и выложиться, по-настоящему поработать на тренировке – так, как следует. Все вроде бы понимаешь, но ничего не получается.

Иногда после проигранного матча, когда мучительно болят мышцы, когда нет, кажется, сил шевельнуть рукой, приходит мысль: все, хватит, пора кончать, пусть молодые побегают. Не пропаду. Не устраиваю ЦСКА – перейду в другой клуб, борющийся за восьмое или девятое место.

Впрочем, здесь я, пожалуй, не прав. Сегодня и те команды, что остаются на восьмом-девятом месте, тоже работают необычайно старательно. Пробелы, недостатки в технической и тактической подготовке компенсируют движением, желанием играть, энтузиазмом. Сегодня большой хоккей немыслим без трудолюбия, без волевого начала.

Однако подобные панические мысли порождаются лишь крайней усталостью, и, если честно, не хотел бы я, чтобы мне в один «прекрасный» день сказали, что не устраиваю я больше столичных армейцев.

Нет, пока есть силы, пока хватает характера, будем работать. Бегать, прыгать, таскать штангу, бросать и бросать шайбу в ворота, снова и снова ввязываться в единоборство с соперниками, которые никак не хотят пропускать к своим воротам.

Борис Харламов, отец Валерия Харламова

Как игрока во времени, можно сказать, в истории всего хоккея не мне, наверное, его оценивать – есть люди поавторитетнее в спорте. Однако его самого моя оценка всегда интересовала – и к моим словам он обычно прислушивался. Никогда от замечаний не отмахивался. А перед матерью – она на игры не ходила никогда – держал отчет, привык к ее требовательности.

Я же приходил на матч всегда пораньше, чтобы встретить автобус с игроками. У нас с сыном и традиция образовалась – когда автобус подъезжал к служебному входу, я обязательно подходил к дверце и успевал сказать несколько напутственных слов… И после игры спешил подойти к нему – высказать свое мнение…

Я и сейчас прихожу на каждый матч армейской команды, хотя и тяжело мне всякий раз видеть автобус, в котором меня больше не ждет сын. Но присутствовать на игре команды, которая столько дала Валерию, которой, в свою очередь, столько отдал он, считаю для себя непременным.

– Как плечо?

– Вот видите, играю… Нормально.

– А если честно?

– Если честно – болит… Даже спать больно.

– Не спите?

– Сплю… Но какие-то кошмары снятся.

– Ну-ка, расскажите.

– Зачем вам?

– Буду один в мире знать, что снится знаменитому Харламову.

– Почему же один? Я тоже знаю, что снится Харламову… Ну ладно, расскажу… Значит, приснился мне страшный сон. Но все кончилось хорошо, Я вывернулся… А снилось мне, что я в Канаде… Канада, между прочим, всем хоккеистам снится… Так вот… Пристал ко мне канадский журналист. Русский знает лучше Сашки Гусева. Так и сыплет… И про тактику выспрашивает, и про тренировки, и по личному вопросу вопросы задает… А в конце говорит:

– Мистер Харламов, вы можете быть со мной откровенны?

– Могу.

– Что дал вам спорт?

– Силу, здоровье, бодрость…

– И все?.. Вы обещали: откровенно.

– Почему же, не все… Спорт дал мне дачу, машину…

– Но у вас же в России нет профессионализма?

– Конечно, нет. А при чем здесь профессионализм?

– Но вы же сами сказали, что все это дал вам спорт.

– Правильно, спорт: я три раза подряд угадал все шесть номеров в «Спортлото»…

– Ах, так, – говорит. И отстал… А я проснулся.

Суперсерия СССР – Канада (1972)

Канадцы – интересные соперники. И матчи с ними полезны и основателям хоккея, и нам, чья школа уверенно вышла на передовые позиции.

Конечно, советские хоккеисты уже не раз встречались на льду с канадцами, но то было совсем другое дело. В Канаде хоккей – это не просто спорт, это национальная идея. И лучшие игроки у них в то время играли не за сборную страны, а за национальные клубы. Канадцы считали, что их спортсмены настолько выше уровнем, чем все иностранные, что нет никакого смысла с ними соревноваться. Поэтому они отправляли в сборную крепких середнячков, а настоящим хоккеем считали только свой национальный чемпионат с участием звезд.

Естественно, ни один канадец или американец в далеком 1972 году не сомневался, что советская сборная проиграет все восемь матчей, причем с разгромным счетом. Журналист торонтской газеты «Глоб энд Мейл» Дик Беддос даже заявил перед началом серии, что съест свою статью, если русские выиграют хотя бы один матч. Что ж, он оказался честным человеком – после поражения канадцев в первом матче он приехал к советскому консульству в Торонто и там на глазах у всех съел статью, макая ее в тарелку борща.

Да, на глазах всей Канады их непобедимые профессионалы были разгромлены со счетом 7:3! Лучшим игроком в советской команде был безоговорочно признан Харламов, которому сразу же после игры канадские тренеры предложили миллион долларов за переход в НХЛ. Тот отшутился, сказав, что без Петрова и Михайлова перейти не может, на что ему ответили, что это не проблема, они готовы взять всю тройку и заплатить по миллиону каждому. Но, разумеется, никто никуда не перешел, да и не мог перейти. Не те тогда были времена. Даже спустя несколько лет слабая попытка Третьяка заключить контракт с зарубежным клубом была воспринята чуть ли не как предательство Родины.

Лев Лебедев, спортивный обозреватель газеты «Правда»

Счет 7:3 и сама игра со звездами, думаю, навсегда остались в памяти у всех наших поклонников хоккея. Сборная СССР следом за первым матчем выиграла и в целом канадскую часть суперсерии, хотя затем проиграла ее московскую часть. А в общем, было выявлено равенство сил. Да и не в счете того или иного матча или всей суперсерии дело. Суть в том, что тогда, осенью 1972 года, мировой хоккей вступил в новую фазу своего развития.

Нашлось что показать и той и другой противоборствующей стороне. Каждая осталась при своем взгляде на хоккей, но увидела и признала достоинства соперников. Наши тренеры и игроки не стеснялись признать, что у канадцев еще следует учиться выигрывать вбрасывание, расчетливо вести силовую борьбу, перенять образ действий на пятачке перед воротами. Канадцы поняли, что главные европейские конкуренты опередили их в слаженности командной игры, обладают более утонченной тактикой, более высокой скоростью.

Была первая суперсерия, была вторая. Потом были встречи ЦСКА и «Крыльев Советов» с клубами НХЛ. Мы увидели воочию действительно великолепных мастеров Кена Драйдена, Горди Хоу, Фила Эспозито, Пита Маховлича, Бобби Кларка, Ги Лапойнта, Ивэна Курнуайе, многих других звезд канадского хоккея. И в сравнении с ними еще больше оценили наших ребят.

После четвертой игры потрясенные канадские профессионалы обратились к своим болельщикам, которые выражали недовольство их игрой. Великий канадский хоккеист Фил Эспозито, лучший снайпер НХЛ, сказал: «Мы сделали все возможное. Мы отдали все что могли. И услышал в ответ «Бу-у-у»? Это привело всех нас в уныние. Мы выкладываемся до конца, и я хотел бы, черт побери, чтобы вы, люди, поняли это. Мы разочарованы и расстроены. Мы не можем поверить в то, что мы читаем о себе в прессе, не можем поверить в «Бу-у», которое мы получили у себя дома. Эти русские – великие хоккеисты. Почему бы вам не оценить их по достоинству и не прекратить осыпать нас обвинениями? Я очень, очень… расстроен. Я просто не могу в это поверить. Все мы, тридцать пять парней, играем потому, что мы любим нашу страну. У нас нет другой причины, только потому, что мы любим Канаду».

А знаменитый бомбардир Фрэнк Маховлич добавил: «Я готов поверить теперь во что угодно. После того, что русские сделали с нами в нашей игре здесь, в Канаде, боюсь, в спорте не осталось ничего святого. Если их кто-нибудь познакомит с американским футболом, они через два года разгромят «Далласских ковбоев» и выиграют первый приз».

Кстати, после падения «железного занавеса» многие канадские профессионалы стали дружески общаться со своими бывшими противниками, а дочь Фила Эспозито даже была замужем за русским хоккеистом.

Юрий Цыбанев, обозреватель еженедельника «Футбол-Хоккей»

Звено Петрова первым широко пустило в ход тактику силового давления, замешанную на яростной самоотдаче всех и каждого. Харламов, как и полагалось, участвовал в этом наравне со своими партнерами, не превышая, впрочем, необходимой дозы силы. Он атаковал соперника корпусом, ни на миг не жертвуя ради силы интересом к шайбе. И в этом он был удивительно пропорционален и ровен.

Харламов неведомым способом развил в себе редкое чувство игровой гармонии, вкус к атаке. Товарищам Харламова по игре оставалось быть его единомышленниками. Для них, игроков первостатейных, эта задача была несложной и приятной.

Он сохранял за собой игровую инициативу в матче с любым соперником, для него не было неподходящих, неудобных. Выходил ли он в форме ЦСКА против «Спартака» или в форме сборной против команд Канады, Чехословакии, Швеции, ритма дыхания его игры не сбивал никто.

Я наслаждаюсь игрой мастеров редкого дара, которые катаются на коньках, кажется, естественнее, чем мы по земле ходим; манипулируют клюшкой и шайбой будто невзначай – как мы размахиваем руками при ходьбе. Человеку, никогда в жизни не становившемуся на коньки и не державшему в руках клюшку, трудно представить себя на их месте. Такое чудо даже не приснится.

Харламов не из их числа. Были и есть игроки легче него, катающиеся. Более ловко владеющие клюшкой. Опаснее бросающие по воротам.

Харламов участвовал в игре всем своим существом и жил в ней счастливой, наполненной жизнью. Все люди, видевшие его на льду, если бы обучились хоккейным навыкам, наверное, хотели бы так жить.

Но то было спустя много лет, а в 1972 году на льду шла настоящая война. Популярность Харламова росла с космической скоростью. Организаторы игр в Канаде даже просили советских тренеров, чтобы он при представлении игроков выходил на лед последним. Они были опытными шоуменами и знали, что энтузиазм зрителей должен идти по нарастающей, а вершиной восторга служил именно семнадцатый номер – Валерий Харламов. Канадцы ничего не могли ему противопоставить, и

тогда началась грязная игра – его сбивали с ног, ломали об его колено клюшку, били об бортик. На войне все средства хороши!

В итоге Суперсерию советские хоккеисты все же проиграли в самом последнем матче во многом благодаря не слишком честному судейству. Когда зазвучала финальная сирена, канадские болельщики хором в едином порыве запели гимн, а игроки высыпали на лед, причем некоторые из них даже плакали, что за профессионалами водилось крайне редко. Но хотя формально победу они сумели вырвать, фактически победила сборная СССР – с тех пор канадские профессионалы перестали считать, что в мире им нет равных. Теперь они точно знали, что есть.

Игра началась как обычно. Как и другие поединки этой Суперсерии. Соперники сразу ринулись к воротам Владислава Третьяка. Это был не прессинг, это была тактика силового давления. Хоккеисты «Флайерса» старались сразу же запереть москвичей в их зоне, перекрыть все возможные направления контратаки, не выпускать шайбу из зоны ЦСКА. Хозяева льда не скрывали своей цели – подавить, смять, сломить волю соперника, ошарашить его, не дать ему осмотреться, разобраться в происходящем. На ворота Третьяка обрушился град шайб. Наш вратарь постоянно в игре, у него нет ни секунды передышки. Трибуны ревут, подбадривая своих, а хоккеисты Филадельфии волна за волной накатываются на наши ворота. Во что бы то ни стало стремятся они немедленно добиться успеха, как было это четыре года назад, в 1972 году, когда шайба в ворота сборной СССР влетела на тридцатой секунде первого периода.

Мы ждали такого начала и были готовы к нему. Но «Флайерс» играл не так, как наши предыдущие соперники «Нью-Йорк Рейнджерс», «Монреаль Канадиенс» или «Бостон Брюинз». «Флайерс» играл иначе.

Это была психическая атака.

«Флайерс» умеет играть. Там немало хороших хоккеистов, в том числе и блестящий Бобби Кларк. Но в эти минуты шайба едва ли интересовала многих игроков этой команды. Главным было иное – кого-то задеть, кого-то ударить, кого-то запугать, снести с ног. Случалось, что шайба была в одном углу площадки, а нашего хоккеиста атаковали в другом. Трещали борта, шайба металась от хоккеиста к хоккеисту, кто-то с ходу врезался в опекуна, швырял его на лед. Азарт увлекал и зрителей, те, в свою очередь, еще и еще подстегивали своих любимцев.

Вот как описывает матч газета «Вашингтон пост»: «Когда Бобби Кларк и Дейв Шульц врезались в Третьяка, поймавшего

шайбу, Борис Михайлов жестом выразил недоумение, и Шульц просто сунул кулак в лицо Михайлова. Салески ударил Александра Волчкова после свистка судьи, зафиксировавшего положение «вне игры». Барбер грубо атаковал Волченкова и локтем ударил Валерия Харламова».

Добавьте к этому, что на первых же минутах упоминавшийся уже Дон Салески с размаху всадил клюшку в живот нашему молодому защитнику Владимиру Локотко. Не мысль царила на площадке, не скорость, управляемая тактическими построениями. Царил напор, сливающийся с террором.

От хоккея здесь ничего уже не оставалось.

Мы утратили часть своей сыгранности, были оглоушены, в какой-то мере озадачены, но не испуганы. Я решительно убежден: главной своей цели соперники не достигли – испуганы мы не были. Я знаю своих партнеров, знаю, как выглядят, как действуют они в той или иной критической ситуации, и потому с уверенностью говорю, что даже молодые не были напуганы.

Судья Ллойд Жильмор удивил нас, несомненно, еще больше, чем хоккеисты. Сорокапятилетний ветеран, судивший сотни матчей профессионалов, сделал вид, что впервые видит хоккей и совершенно не понимает что к чему. Нас били и нас же удаляли с поля. Прошло десять минут, и мы дважды оставались на площадке вчетвером. Однако воспользоваться численным превосходством соперники не сумели.

Старший тренер ЦСКА Константин Борисович Локтев готовил нас к подобному судейству, призывал перед матчем ничему не удивляться, но такого… Такого судейства представить себе не могли ни мы, ни наши тренеры. Роберт Фаше, обозреватель газеты «Вашингтон пост», писал, что судья давал свистки лишь в случаях особо опасных нарушений правил. Но в истолковании этого судьи такими нарушениями являются только те, что уже граничат с убийством.

А потом рефери наконец удалил и хоккеиста из команды Филадельфии. Мы начали атаку, шайба попала ко мне, я стал было набирать скорость, как вдруг… жуткий удар, и перед глазами пошли зеленые круги. Упал на лед. Пришел в себя не сразу. Это был нокдаун. Неожиданный, мерзкий. Подлый нокдаун: соперник ударил меня кулаком, в котором была зажата клюшка, сзади…

…Мы думали, что Эд ван Имп, снесший меня боксерским ударом, будет наказан. Но судья не удалил соперника до конца игры. Не наказал он его и большим, десятиминутным штрафом. Не отправил Жильмор ван Импа на скамью штрафников даже и на две минуты. Но зато дал две минуты… нашей команде. За то, что, по его мнению, Локтев затягивает игру. О том, что мне нужно

прийти в себя, судья как-то не подумал.

И тогда мы покинули лед.

У Константина Борисовича, я убежден в этом, не было в сложившейся ситуации другого выхода. В конце концов тренер отвечает не только за нашу тактическую или техническую подготовку, но и за здоровье. За то, чтобы не стали мы инвалидами.

Ван Имп сказал после матча, что он ударил меня нечаянно, а уже упоминавшийся обозреватель Роберт Фаше писал, что ни этот, ни другие прискорбные эпизоды не были, конечно же, случайными.

Матч был безнадежно испорчен.

Во время вынужденного перерыва снова говорилось, что это не хоккей, что такая манера ведения боя абсолютно противоречит условиям договора, хоккеистов «Флайерса» призывали играть в рамках правил, не знаю, соглашались ли те, видимо, соглашались, но перестроить себя они не могли. И когда матч возобновился, мало что изменилось в игровом «почерке» хоккеистов «Флайерса». Едва ли можно пересмотреть сразу взгляды на хоккей, ту форму подготовки к матчу, что заняла не дни или недели, а месяцы и годы.

Все уговоры, если они и были серьезными, велись впустую. Ибо это был особый, с точки зрения деятелей клуба из Филадельфии, матч, и подготовка к нему велась заранее и в определенном ключе.

Когда мы прилетели в Филадельфию, то автобус встречал нас прямо у трапа, а вокруг собралось превеликое множество полицейских машин. Там были люди и в форме и в штатском. И с этой минуты полицейские не отходили от нас ни на минуту.

Они сопровождали нас буквально повсюду. В отеле мы разместились все на одном этаже, и первую комнату занимали полицейские. Дверь к ним была постоянно открыта, и охрана видела, кто входит, кто выходит из лифта, и если кто-то из ребят собирался пройтись по городу, то об этом следовало предупредить полицию. «Ангелы-хранители» неизменно следовали за нами на небольшом расстоянии. Потом нам объяснили, что охрана необходима, ибо Филадельфия – один из центров сионизма и здесь возможны любые провокации, но согласитесь, что с непривычки эта назойливая опека не могла не действовать на нервы и не влиять на предыгровое настроение команды.

Я вовсе не хочу сказать, что повышенное внимание полиции Филадельфии к хоккеистам ЦСКА было частью плана психологической обработки соперника. Но вот в том, что психологическая атака на армейцев была заранее продумана и спланирована, сомневаться не приходится.

Вспоминаю обед, устроенный руководством клуба.

Здесь самое время рассказать, что во время этой поездки нас перед матчами обычно знакомили с игроками, против которых нам предстояло выступать. Разумеется, часть хоккеистов мы уже знали, одних – по матчам со сборной профессионалов Канады в 1972 году, других – понаслышке. Мы читали о них в наших газетах.

Как правило, за день до матча мы обедали вместе с будущими соперниками. Такие банкеты устраивались перед поединками с клубами «Монреаль Канадиенс» и «Бостон Брюинз». Встречали нас команды НХЛ хорошо, особенно гостеприимны были руководители и хоккеисты «Монреаль Канадиенс», и нам были созданы все условия для отдыха и для подготовки к матчам.

И вот встреча с хоккеистами «Флайерса». Нас представляли друг другу со всеми титулами, и когда назывались имена москвичей, хозяева льда смотрели на каждого из нас не столько с вполне понятной в таком случае заинтересованностью, сколько с какой-то неожиданной… не могу подобрать точное слово, пожалуй, агрессивностью. Здесь было все – и уверенность в себе, и вытекающее отсюда ничуть не скрываемое ощущение собственного превосходства, и неутолимая жажда боя. Одним словом, хоккеисты «Флайерса», кажется, готовы были сокрушить, испепелить нас прямо здесь, за обеденным столом, не дожидаясь выхода на лед. Знаменитый Дейв Шульц по прозвищу Кувалда вроде бы даже поигрывал бицепсами, охотно демонстрируя свою могучую силу.

О том, что клуб из Филадельфии снискал себе славу самого жестокого в НХЛ (Национальной хоккейной лиге, объединяющей самые сильные профессиональные клубы Канады и США), мы, конечно же, знали еще в Москве. Запугать нас было трудно: хоккеисты – люди, привыкшие к разному, и не однажды встречались мы с откровенными драчунами. Но выводы после банкета мы сделали правильные, и ход матча показал, что мы угадали настроения соперников.

Этот поединок запомнился и тем, что зрители нас принимали хуже, чем в других городах. В Нью-Йорке, Монреале, Бостоне тамошним поклонникам хоккея очень хотелось, чтобы их команды одолели чемпиона СССР, но никакой враждебности мы не чувствовали. А здесь… Здесь мы вспомнили фразу из «Семнадцати мгновений весны»: «Все мы под колпаком у Мюллера». Выехав на разминку, мы увидели антисоветские лозунги, написанные по-русски и обращенные, стало быть, к нам, к гостям, любезно приглашенным за океан. Эти лозунги прикрепляли к прозрачным бортам, чтобы мы, проезжая мимо, разобрали все, что написано.

Во всех городах перед матчем исполнялись государственные

гимны СССР и США или Канады. А вот в Филадельфии после нашего гимна был исполнен гимн команды «Флайерс». Очевидно, это должно было еще выше поднять энтузиазм поклонников команды.

Фред Широ, тренер команды Филадельфии, перед началом матча прислал Константину Борисовичу Локтеву карикатуру из газеты, где был изображен сам Широ с двумя здоровенными гориллами – Келли и Шульцем – с запиской: «С кем вы хотите соперничать, если в «Флайерсе» играют такие отчаянные забияки и громилы».

Келли появлялся на льду всего несколько раз, но не искал шайбу, он искал соперника и был настолько несдержан и груб, настолько далек от хоккея, что, видимо, даже партнеры опасались его. Когда Келли и Шульц рванулись к Валерию Васильеву (этот динамовский защитник в матчах Суперсерии выступал за ЦСКА), тот отскочил в сторону, и два игрока «Флайерса» с такой силой и страстностью врезались друг в друга, что мы просто опешили.

Чем же объясняется эта неслыханная даже в условиях НХЛ нервозность? В чем причина ажиотажа вокруг матча ЦСКА в Филадельфии? Почему вдруг и клуб и его поклонники придавали такое невероятное значение этому матчу, последнему в восьмираундовой Суперсерии, которую провели в США и Канаде московские команды «Крылья Советов» и ЦСКА?

На том предматчевом банкете, который я вспоминал, старшему тренеру команды ЦСКА Константину Борисовичу Локтеву было задано много вопросов, и, в частности, его спросили, согласен ли он с тем, что предстоящий поединок – это, в сущности, матч на первенство мира между клубными командами. Ведь «Филадельфия Флайерс» – обладатель Кубка Стэнли двух последних лет и, стало быть, сильнейшая команда Северной Америки, а москвичи – обладатели Кубка европейских чемпионов, девятнадцатикратные чемпионы СССР и общепризнанный многолетний лидер хоккея на европейском континенте.

Константин Борисович ответил, что он отнюдь не склонен переоценивать значение предстоящего поединка.

– Во-первых, для ЦСКА завтрашняя игра не такое событие, как для «Флайерса», ведь это лишь один, всего лишь один матч из серии. Во-вторых, армейцы ставили себе цель выиграть не одну какую-то встречу, а всю серию в целом, и цели своей уже достигли. Накануне последнего поединка в трех проведенных матчах советские хоккеисты набрали пять очков из шести возможных – выиграли у «Нью-Йорк Рейнджерс» – 7:3, у «Бостон Брюинз» – 5:2 и сделали ничью с «Монреаль Канадиенс» – 3:3, и потому последняя игра уже никак не влияет на общий исход всего турне ЦСКА по Северной

Америке. Кроме того, у нас нет никаких оснований особо выделять игру в Филадельфии: в конце концов клуб Монреаля, семнадцатикратный обладатель Кубка Стэнли, да и команда Бостона более прославлены. В-третьих, к матчу на первенство мира, – сказал наш тренер, – специально готовятся, мы же на полную мощь, с максимальной отдачей сил и нервной энергии провели все предшествующие матчи и даже потеряли в них двух центральных нападающих ведущих звеньев – Владимира Петрова и Виктора Жлуктова и защитника Геннадия Цыганкова, который в паре с Владимиром Лутченко в трех предыдущих матчах не позволил канадцам забросить ни одной шайбы. В-четвертых, – продолжал Локтев, – вся серия – это, в сущности, подготовка к Олимпийским играм, которые начнутся через три недели. Для любого спортсмена Олимпиада – это громадное событие, которого ждут, к которому готовятся многие годы. И наконец последнее – предстоящий матч никак нельзя рассматривать как первенство мира хотя бы потому, что титул сильнейшего надо оспаривать в равных условиях – или на нейтральном поле, или в серии из четырех – шести матчей, сыгранных на льду каждого соперника.

Наши хозяева были разочарованы таким ответом. Слишком большие надежды возлагали они на этот матч, ведь победа «Филадельфии Флайерс» должна была реабилитировать профессиональный хоккей в глазах его многочисленных поклонников. Оба советских клуба – и «Крылышки» и ЦСКА – выиграли свои турне. Профсоюзные хоккеисты одержали три победы и проиграли только один матч. Мы, как я уже говорил, набрали к приезду в Филадельфию пять очков из шести возможных. И это, конечно, потрясло спортивную общественность Северной Америки. В одной газете задавался вопрос, не русские ли в конце концов изобрели хоккей. В другой после нашей победы в Нью-Йорке через всю страницу звучал призыв: «Отдайте им Кубок Стэнли, пусть только уедут домой!»

И вот теперь – последний шанс НХЛ.

Разумеется, мы знали, что нам противостоит чрезвычайно сильный клуб. Разумеется, мы хотели выиграть. Но в то же время понимали; что силы уже во многом не те, что были накануне первого матча. В сущности, Суперсерия практически существовала только для «Крыльев Советов» и ЦСКА, в то время как американские и канадские клубы проводили лишь по одной игре и имели возможность заранее изучить нас, посмотреть, как мы действуем в атаке и обороне, как строим контратаку, как защищаемся в меньшинстве. Для нас же каждый соперник был загадкой, величиной неизвестной. Добавьте к этому, что в спорте успех во многом зависит от душевного подъема, от страстности,

с которой борются за шайбу или за мяч соперники, и вы согласитесь, что собраться на один-единственный матч проще, нежели на четыре, сыгранных за короткое время. А ведь каждый из наших партнеров был достаточно авторитетным, и одолеть его нам хотелось не меньше, чем клуб «Филадельфия Флайерс».

Естественно, что к последнему матчу мы были уже весьма потрепаны, но эти потери были, так сказать, естественными, неизбежными, поскольку в хоккейной игре, даже самой корректной, может случиться всякое. А тут еще за океаном играют во многом в другой хоккей, нам непривычный, и поэтому накануне серии была достигнута договоренность, что матчи будут корректными, что печальные случаи, имевшие место во время встреч со сборной Канады в 1972 году и во время игр с командой Всемирной хоккейной ассоциации (ВХА) в 1974-м, не повторятся.

Мы предупредили, что можем прекратить матч и даже прервать серию, если хоккеисты НХЛ нарушат соглашение и предложат нам вместо хоккея одну из разновидностей бокса на льду. На мой взгляд, все наши соперники до игры в Филадельфии придерживались соглашения, и если случались все-таки у северо-американских команд отступления от договоренности, то они не носили злостного характера. И вдруг такой дикий взрыв страстей!

Переводчик команды знакомил нас с местной печатью, с прогнозами на каждый матч и на всю серию, и мы знали, какое громадное значение придается заключительному поединку. Однако все же полагали, что это будет корректная игра, такая же, как в Нью-Йорке, Монреале и Бостоне. Еще накануне наших первых матчей канадская печать, обсуждая предстоящую «встречу в верхах на льду», обращала внимание на необходимость соблюдения корректного поведения спортсменов и называла самым позорным эпизод, который произошел в 1974 году во время матчей советских хоккеистов с командой ВХА, когда Рик Лей ударил меня после свистка, извещавшего о конце периода. Но я понимал, что соображения прессы – одно, а канадская хоккейная практика – другое.

Я понимал, что мне будет нелегко, и заметка из «Филадельфии Дейли Ньюс», гласящая, что «в воскресенье они встретятся снова, Бобби Кларк против Валерия Харламова – ЦСКА против «Филадельфии Флайерс», говорила о многом.

В НХЛ и ВХА немало «звезд». Наша публика видела Кена Драйдена и Бобби Халла, Горди Хоу и Фила Эспозито, Питера Маховлича и Бобби Кларка, Ги Лапойнта и Ивэна Курнуайе. Но самый знаменитый, самый сильный игрок в истории профессионального хоккея – защитник Бобби Орр. Сожалею, что я так и не увидел Орра в деле: бесконечные операции колена замучили

этого выдающегося хоккеиста. Впервые против советских мастеров Бобби сыграл лишь в сентябре 1976 года, когда по необходимости должен был остаться в Москве, в госпитале. Так вот, накануне матча в Филадельфии Кларк, вспомнив Орра, подлил масла в огонь. Он писал: «Харламов? Поскольку Бобби Орра на льду нет, то он, возможно, лучший игрок, которого вы когда-либо увидите. Я не могу описать, как он хорош. Он быстр, у него множество финтов, он выполняет их на высшей скорости. Он умеет все. Он так же быстр, как Ивэн Курнуайе. Но Курнуайе не может контролировать шайбу настолько же хорошо, как Харламов…» Потом, когда ван Имп и его партнеры начали «охоту», я думал, что они внимательно читали рассказ Кларка о хоккеистах ЦСКА.

Повышенное внимание к подготовке к этому матчу, да и ко всей серии в целом уделялось хоккеистами НХЛ и потому, что за океаном превыше всего ставится клубный хоккей. И если у нас сборная – главная команда, если каждый спортсмен – в любом виде спорта – мечтает попасть в сборную, считает это самой высокой честью, то там, в профессиональном хоккее, значительно большее внимание уделяется клубам, болельщики просто убеждены, что клубы сильнее, нежели собранные с бору по сосенке хоккеисты.

И последнее. О судьях. Судили матчи по очереди наши арбитры и арбитры НХЛ. И вот так получилось, что – по заранее составленному графику – судья был на этот раз представителем НХЛ. Впрочем, и матчи с другими самыми сильными клубами, с «Монреаль Канадиенс», например, судили канадцы или американцы…

…Бесчисленные драки, удары исподтишка, стремление вывести соперника из строя, запугать его, давление, которое не укладывается в рамки какого-либо разумного принципа ведения игры, – все это складывается в антихоккей, где класс хоккеиста уже ни при чем. Вот почему 11 января 1976 года у нас создалось ощущение, что нам противостоит команда роботов, неудачно запрограммированных.

Кстати, дальнейшие события в чемпионате НХЛ и розыгрыше Кубка Стэнли показали, что я недалек от истины в своих оценках: «Канадиенс» весной уверенно переиграла «Флайерс» и буквально разгромила филадельфийцев в розыгрыше главного приза НХЛ. Хоккеисты Монреаля выиграли четыре матча из четырех, и остальные три игры им уже не понадобились.

Я знаю, что не только мы, но и заокеанские любители спорта с сожалением восприняли события, происшедшие в Филадельфии. «Вашингтон пост» писала: «Возможно, «Флайерс» и сильнее… но, к сожалению, мы этого никогда не узнаем, и советские хоккеисты всегда будут иметь оправдание, почему они не показали всего, на

что способны: они пытались спасти свою жизнь».

Кстати, в Филадельфии поняли, кажется, что антихоккей не приносит пользы команде: «Флайерс» отчислил Шульца-«Кувалду».

Этот матч мог стать праздником. А остался дурным воспоминанием, самым большим шагом в сторону от развития замечательной, популярнейшей игры нашего века. Игры волнующей, увлекающей, восхищающей миллионы людей.

Но этот матч, к счастью, – исключение. Я помню другие матчи, сыгранные на разном уровне, против разных соперников. Они дарили нам радость, приносили чувство гордости и за партнеров, и за соперников, и за свою игру. И как бы ни складывалась моя судьба в спорте, в какой бы последовательности, в какой бы пропорции ни чередовались взлеты и неудачи, я один из самых счастливых людей, потому что могу рассказать о настоящем большом хоккее.

Взлеты и падения

Я не причисляю себя к звездной когорте, хотя и не могу пожаловаться на недостаток хвалебных отзывов, на невнимание печати. Дело в том, что я знаю, как много у меня еще недостатков в игре, хотя от некоторых из них я уже, как мне кажется, начинаю избавляться. Но я вижу немало неиспользованных возможностей, вижу, над чем предстоит работать, и потому, повторяю, убежден, что до совершенства мне еще далеко.

В 1973 году чемпионат мира по хоккею проводился в Москве. После канадской Суперсерии это для сборной стало чем-то вроде легкой прогулки. Игроки сборной забили в чемпионате сто шайб – невероятный рекорд! Причем из них сорок три были на счету уже ставшей легендарной тройки Михайлов – Петров – Харламов.

В 1974 году прошла вторая Суперсерия игр СССР – Канада, не такая знаменитая и драматичная, как первая, но тоже яркая и важная, тем более что на сей раз советские хоккеисты победили. За Харламовым на всем протяжении этой серии игр шла настоящая охота, канадский защитник Рик Лэй даже разбил ему переносицу, за что, впрочем, извинился после игры. Но этот случай был показателем того, как силен накал страстей – на льду ради победы творилось такое, о чем после игры многие вспоминали со стыдом.

Весной 1973 года вместе с тогдашними тренерами сборной страны по хоккею Всеволодом Михайловичем Бобровым и Борисом Павловичем Кулагиным я был приглашен руководством канадско-американской Национальной хоккейной лиги в Канаду на финальные матчи Кубка Стэнли.

Сезон заканчивался. Удачный для сборной нашей страны сезон: той весной мы стали победителями чемпионата мира, который проводился в Лужниках в Москве.

Шли последние матчи, и вот на одном из них в перерыве между периодами Борис Павлович, проходя мимо, сказал мне:

– Готовься к поездке в Канаду…

Я сначала даже не понял тренера, подумал, что неожиданно изменены сроки планируемых встреч с профессионалами, и потому мы будем играть с ними за океаном весной, а не осенью, как намечалось предварительно.

Потом сообразил, что приглашают меня не играть против канадцев, а с иной целью.

Почему вместе с тренерами поехал я? Абсолютно точно не знаю, однако мне рассказали, что организован был в Канаде будто бы то ли какой-то опрос, то ли референдум (опять же не знаю, среди болельщиков или среди хоккеистов, или журналистов), который определил, что я приобрел там наибольшую среди наших игроков популярность.

Осенью 1972 года, как известно, проводилась первая в истории спорта серия матчей между профессиональными хоккеистами Северной Америки и советской командой. Матчи эти вызвали в Канаде и отчасти в США колоссальный интерес и с новой силой пробудили внимание к европейскому хоккею, неоспоримыми лидерами которого, по мнению руководства НХЛ, были наши мастера.

Матчи первой серии были сыграны по обе стороны океана, контакты установлены, и вот мы отправляемся в Канаду.

Приехали мы на неделю, но и этого срока оказалось вполне достаточно, чтобы понять, что наши игроки теперь чрезвычайно широко известны в Канаде. По крайней мере – в Монреале, на улицах которого я чувствовал себя в одном отношении так же, как в Москве: любители хоккея меня узнавали, просили расписаться на первом попавшемся под руку листе бумаги – коллекционирование автографов хоккеистов там, кажется, распространено столь же, как у нас коллекционирование марок.

Мы жили в Монреале, команда которого «Монреаль Канадиенс» выступала в финале Кубка Стэнли против клуба «Чикаго блэк хоуке». Нас принял Кэмпбелл, бывший в то время президентом НХЛ, побывали мы и в штаб-квартире Национальной хоккейной лиги, где нам показывали, кстати говоря, составленное заранее, за два года вперед, расписание матчей. После этого я уже хорошо понимал, почему так непросто было отыскать окно для будущих встреч Суперсерии-76, в ходе которой ЦСКА и «Крылья Советов» играли против ведущих клубов НХЛ.

Во время поездки мы смогли увидеть не только матчи, не только то, что видят зрители, пришедшие на игру. Побывали мы и за кулисами – в раздевалках хоккеистов. Чистота, царящая в этих «артистических уборных», их размеры бросились в глаза сразу. Так же, как и количество обслуживающего персонала. Хоккеисты в Канаде о своей форме и снаряжении практически не заботятся. Пришел спортсмен после матча или тренировки, скинул форму и, не складывая ничего, не приводя в порядок свое снаряжение, ушел. За тебя кто-то все это сделает.

Не думаю, что это правильно. Все-таки, как и солдат, спортсмен, не доверяя никому, сам должен заботиться о своей готовности к завтрашнему сражению на льду.

В те же сроки проходил финал соревнований юношеских команд. Выиграла команда Торонто. После окончания финального матча был совместный ужин, нас пригласили на этот прием, и меня попросили выступить перед юниорами. Слушали поразительно внимательно. Лучшему нападающему я подарил значок нашей хоккейной федерации.

А в соревнованиях сильнейших, где выявлялся обладатель Кубка Стэнли, победителями стали хоккеисты Монреаля.

Команда «Монреаль Канадиенс» была, по моим представлениям, значительно сильнее всех своих соперников. В команде «Монреаль Канадиенс» играли тогда Айвен Курнуайе, братья Маховличи – Фрэнк и Питер, Ги Лапойнт, Кен Драйден. В команде Чикаго выступали участники первой серии наших матчей с профессионалами – защитники Билл Уайт и Пэт Степлтон, вратарь Тони Эспозито, форвард Деннис Халл, брат знаменитого нападающего Бобби Халла.

Разумеется, какое-то представление об игре профессионалов у меня уже было. И потому, что и раньше доводилось видеть их команды. И потому, что сыграли мы с ними серию из восьми матчей: такого количества игр вполне достаточно, чтобы определить, что к чему, как строят хоккеисты-профессионалы оборону, как они атакуют, как играют в средней зоне, как начинают и как завершают атаку.

Тем более интересным казалось мне познакомиться более близко с игрой канадцев у себя дома.

Самое первое впечатление – удивительная, неожиданная корректность. Особенно поразительной эта черта их матчей казалась на фоне того, что вытворяли они в поединках с нами, где отличались не только хоккеисты, но даже и тренер Джон Фергюсон, который, как, может быть, вы помните, швырнул во время матча в Лужниках на лед стул.

В финале Кубка Стэнли хоккеисты не грубили столь же беспардонно, не дрались так нагло, как в матчах с европейцами. Игра была весьма жесткая, но, однако, вполне корректная. Силовая борьба велась по правилам, без тычков, ударов исподтишка, без запугивания друг друга: клюшками по лицу, по голове не били.

Я пытался понять первопричины столь разительного отличия в манере действий. Не знаю, верна ли моя догадка, но мне кажется, что грубость, чрезмерная жесткость, переходящая в жестокость, проявляются в игре канадских (и, естественно, американских) профессионалов в матчах против новичков, дебютантов НХЛ: опытные, давно выступающие в лиге хоккеисты друг друга уже знают достаточно хорошо и потому играют, а не

дерутся. А вот европейских хоккеистов они знают меньше, и оттого-то стремятся проверить нас на прочность, на стойкость.

Если играть за команду НХЛ в рамках местного турнира, то синяков и шишек было бы меньше, чем получили мы, выступая за нашу сборную против сборной Национальной хоккейной лиги.

Одно из главных впечатлений от игры профессионалов – невысокие скорости спортсменов. Профессионалы – чрезвычайно техничные хоккеисты, но играют они медленнее, чем мы привыкли, как будто кинохроника, рассказывающая о вчерашнем матче, прокручивается с неверной скоростью.

Монреальские хоккеисты выгодно отличались техничностью, относительно высокими скоростями, более высокой комбинационностью, нежели их соперники.

Поразила публика. Болеют в Монреале страстно. Горячо переживают, принимая близко к сердцу буквально каждый игровой эпизод. Бурно реагируют не только на гол или попытку взятия ворот, не только на неожиданный или сильный бросок, создающий угрозу воротам, но и на все остальные слагаемые игры – и на удачный пас, и на ловкую обводку, и даже на ведение шайбы. Вскакивают с мест, вздымая в восторге руки, и стар и млад. Я видел немало весьма пожилых женщин, бабушек, которые кричали ничуть не реже и не тише своих внуков.

Канадские любители хоккея – болельщики квалифицированные, разбирающиеся в нашей игре. Другое дело, что особые восторги у канадских «фэнов» (болельщиков) вызывает, может быть, то, что оставило бы нашего зрителя равнодушным, но болеют они невероятно темпераментно. Болеют на протяжении всего матча. Если судить о том или ином поединке по реакции трибун, то спадов в игре вроде бы и не случается вовсе, кажется, будто все шестьдесят минут игрового времени идет напряженная схватка: трибуны гудят постоянно.

У нас так горячо все перипетии хоккейного поединка воспринимают немногие болельщики, основная масса столь восторженно реагирует только на гол, да и то далеко не во всяком матче. Если ЦСКА играет с аутсайдером и посылает шайбу за шайбой в ворота соперника, то овации вы не дождетесь, а вот за океаном на последний гол реагируют столь же бурно, как и на первый или на решающий.

Если канадский или американский зритель пришел на хоккейный матч, то молчать он не будет.

Однако эта чрезвычайно бурная реакция зрителей имеет ярко выраженный направленный характер: трибуны болеют за «своих».

В Национальной хоккейной лиге команды представляют разные города Канады и Соединенных Штатов. Там невозможна

ситуация, обычная в нашем хоккее: один город представляют не две, а даже четыре команды – ЦСКА, «Динамо», «Спартак», «Крылья Советов». А ведь недавно от Москвы выступала еще одна команда – «Локомотив». Но коли на льду одного дворца спорта выступают четыре клуба, то естественно, что на их матчи приходят болельщики не одной, а разных команд. Например, поклонники спартаковцев и динамовцев. И то, что радует одних, огорчает других.

Канадские или американские любители хоккея, пришедшие на матч, неизмеримо более близки друг другу по своим хоккейным симпатиям – в конце концов, из других городов болельщики приезжают нечасто.

Своей команде во время матча прощается все, скидка делается огромная, к ошибкам и промахам своих любимцев относятся снисходительно. Немедленно после финального свистка судьи публика может устроить обструкцию, найти средства выразить свое разочарование и неудовольствие, но вот во время матча игроки слышат только подбадривание, поддержка им оказывается независимо от качества их игры. И если ошибется хоккеист в той или иной ситуации, промахнется из выгодного положения, не забросит шайбу в пустые ворота, даст неточный пас, то свиста осуждения не будет. Ошибки «своих» не замечаются. Но когда неудачно сыграет соперник, то снисхождения не жди…

А вот на наших стадионах иная картина. У нас, если ошибешься, то тут же можешь услышать, что «пора проснуться», «пора играть» или, напротив, «пора на пенсию». И это, заметьте, армейцы слышат от поклонников ЦСКА, а не от болельщиков «Динамо» или «Спартака» – те равнодушны к нашим промахам. И право же, мне трудно сказать, сколько уже на моей памяти ветеранов сошли со сцены раньше, чем следовало бы, только потому, что вчерашние их восторженные поклонники сегодня более чем болезненно воспринимали промахи недавних своих кумиров.

Интерес и внимание к хоккею в Канаде не могут не изумлять. Правду говорят, что мальчику, родившемуся в семье, радуются больше, чем появлению девочки, прежде всего потому, что он может стать хоккеистом.

И здесь, и на других страницах, рассказывая о соперниках из НХЛ или ВХА, я говорю о канадцах. Это не оговорка. Я, конечно же, помню, что большая часть клубов и Национальной хоккейной лиги и Всемирной хоккейной ассоциации базируется в разных городах США, но играют во всех этих командах в основном канадцы. Соотношение хоккеистов двух стран, выступающих за

американские клубы, было особенно хорошо заметно на примере состава клуба ВХА «Цинциннати Стингерс», который приезжал осенью 1977 года в Прагу на турнир на приз газеты «Руде право»: из двадцати трех игроков команды двадцать были канадцами и только трое американцами.

На катке в Монреале во всех фойе, на всех этажах, около баров установлены цветные телевизоры, и если зритель чуть опаздывает или почему-то не может вовремя попасть на трибуны, то все равно он ничего не пропустит.

В перерывах между периодами хоккейного поединка телевидение показывает эпизоды из других матчей, сегодняшних или давнишних, передаются интервью с хоккеистами. Однажды, когда ЦСКА проводил за океаном встречи Суперсерии-76, мы смотрели в свободный день какой-то матч, и вот в перерыве, выйдя в фойе, я увидел интервью с Володей Шадриным, которое транслировалось из другого города, не помню точно, кажется, из Буффало.

Давал телекомпаниям интервью и я.

И хотя все зрители обычно приходят на стадион рано, на трибунах, когда мы выкатываемся на разминку, еще никого нет: болельщики времени не теряют, они смотрят в фойе по телевизору те передачи о хоккее, которые предваряют сегодняшнюю игру.

К каждому матчу выпускается яркая, красочная программка, продается масса сувениров, связанных с хоккеем. Когда нам много лет назад объясняли, что в Северной Америке хоккей – заметное экономическое явление, то я не представлял себе, что нашему виду спорта сопутствует так много околохоккейного.

Сейчас советские любители спорта достаточно хорошо знают, что представляет собой профессиональный хоккей. Он не только «открыт» и изучен сначала первопроходцами, а вслед за ними и десятками других мастеров, но и в известной степени низведен с пьедестала легенд и преданий. И все же самый распространенный вопрос, на который хоккеисты отвечают после возвращения из Канады, остается прежним, хотя появился он давным-давно, еще в первые годы контактов с любителями, а потом и с профессионалами Канады – чему бы я постарался научиться у них: искусству обводки или броску, силовому единоборству или умению добивать шайбы?

Для меня ответ на такие вопросы был всегда очевиден: их отношению к матчу, их страстности, умению бороться в любом матче, близко к сердцу воспринимая каждую игру.

Эта страстность проявляется в игре с любой командой, против которой доводится хоккеисту играть в тот или иной

момент его спортивной жизни – начиная с детских команд и кончая ведущими клубами профессиональной лиги.

Я, грешен, иногда играю спустя рукава, иногда вполне добросовестно, но не более, а иногда борюсь вовсю. Для канадцев такой подход к игре невозможен, немыслим.

У них, говорят, хоккейная страсть в крови.

Наверное.

Нравится мне и мужество канадских хоккеистов. Получив травму, спортсмен не спешит покинуть поле, он борется, играет, не оставляет команду в трудном положении, травмированный игрок уйдет с площадки только после того, как прозвучал свисток судьи, останавливающий матч. Если больно, если разбито лицо, появилась кровь, защитник или нападающий не поедут к телекамере демонстрировать травму, показывать, как им больно.

И еще одно, уже сугубо техническое качество подготовки хоккеистов – превосходное катание на коньках. Они катаются много, с раннего детства. Льда хватает на все команды – взрослые, юношеские, детские. Не берусь судить, чей метод более перспективен, но нельзя не заметить, что если наши тренеры больше внимания обращают на отработку разнообразных атлетических качеств, если у нас больше времени занимают бег и прыжки, гимнастика и спортивные игры, то у канадцев важнее всего в подготовке хоккеистов сам хоккей, на втором месте в их подготовке – снова хоккей и на третьем – опять же хоккей.

У канадцев и предсезонной подготовке уделяется меньше внимания, чем в нашей школе. Они готовятся к сезону по мере проведения все большего числа матчей, раскатываются к середине сезона и пика достигают к моменту финальных баталий на Кубок Стэнли.

Так, кстати, играли профессионалы и на чемпионате мира в Вене: они прибавляли на глазах, от матча к матчу, раскатывались от тура к туру и сильнее всего провели заключительные матчи в группе сильнейших, куда попали четыре лучших команды.

У североамериканских профессиональных хоккеистов, разумеется, весьма разный уровень подготовки, но школа имеет общие черты, и потому играть с канадцами всегда нелегко, даже если приходится встречаться нам не с первоклассными по профессиональным меркам соперниками.

Конечно, этих соперников мы, как правило, обыгрываем, но победы нам достаются нелегко. Даже если выигрываем мы с крупным счетом, даже если канадская команда остается на последнем месте.

Один из недавних примеров – турнир осенью 1977 года в Праге на приз газеты «Руде право», небольшой турнир в два круга, где

выступали сборные Чехословакии, Советского Союза и команда, представляющая Всемирную хоккейную ассоциацию – «Цинциннати Стингерс».

Решительно не согласен с теми любителями хоккея, которые утверждали, будто команда «Цинциннати» ничем, в сущности, по классу не отличалась от пятой или шестой команды нашей первой лиги. Может быть, если сравнивать Табели о рангах, нашу и заокеанскую, эта команда и вправду занимает именно такое место в иерархии профессиональных клубов, но, по крайней мере, одно отличие от нашего «Салавата Юлаева» или пензенского «Дизелиста» все-таки есть – канадцы эти борются так же страстно, темпераментно, они столь же драчливы во встречах с европейскими мастерами, как и самые именитые звезды НХЛ. В сентябре, когда проводился турнир, они действительно выглядели неважно, поскольку только за неделю до этого вышли на лед, но вот годом раньше, играя за океаном, мы встречались с «Осами из Цинциннати», выиграли 7:5, и тогда эта команда не показалась нам малоквалифицированным коллективом.

Станислав Шаталин, член-корреспондент Академии наук СССР

В ту пятницу в 17.00 я должен был читать лекцию. В ту же пятницу в 19.00 начинался хоккейный матч «Спартак» – ЦСКА. От МГУ до Лужников рукой подать, но к первым минутам никак не поспеть. А ведь это завязка сражения, и кто знает, что за чудеса сотворит Валерий Харламов – лучше бы этого не произошло, или Александр Якушев – хорошо бы сразу повести в счете…

Я перенес лекцию на другой день и час. Как это ухитрился сделать – пусть останется маленькой тайной.

И не пожалел об этом. Хотя Харламов оказался главным виновником довольно внушительного поражения «Спартака», которому симпатизирую давно и пылко.

Достоинства игрока в полной мере проявляются в ключевых встречах, а такими на протяжении уже многих лет являются поединки между армейцами и спартаковцами. Харламов бывал в такие дни просто неистощим на выдумку. Его партнеров по тройке Бориса Михайлова и Владимира Петрова причисляю к хоккеистам исключительной силы, но в это определение не кажется мне достаточным, чтобы оценить Валерия Харламова. Он буквально кромсал «наши» защитные построения, именно кромсал; другого слова не подберу. Эти шестьдесят минут чистого времени я жил в постоянном страхе, что шайба попадет к нему и что-нибудь обязательно произойдет – неприятное и непредвиденное. Все эти шестьдесят минут вполне сознательно желал, чтобы он сыграл похуже, поскромнее, но оправдывать подобные ожидания было не в его правилах. Более того, на Валерия не действовали даже так называемые объективные причины: не совсем залеченная травма, не совсем хорошее самочувствие, а уж перепады формы ему вообще были неведомы. А ведь эти действительно объективные факторы служили и служат порой оправданием средней игры суперзвезд.

Но не одним хоккеем жил Валерий Харламов. Нельзя забывать, что ему едва перевалило за двадцать пять, и, конечно, у него в жизни были и другие интересы. В 1975 году он случайно познакомился в ресторане с девятнадцатилетней студенткой Ириной Смирновой, которая там отмечала день рождения подруги. Пригласил танцевать, потом предложил подвезти домой.

Девушка согласилась, но о профессии своего кавалера даже близко не догадалась, а когда увидела его новенькую «Волгу»,

вообще подумала, что он таксист. Так дома и сказала матери, что познакомилась с симпатичным парнем, Валерой, шофером по профессии. Они встречались несколько недель, причем роман у них развивался отнюдь не платонический, а знакомить друг друга с родителями оба не спешили. Ирина согласилась только показать своего кавалера матери на улице, но возражала против личного знакомства.

Неизвестно, когда она сама узнала, что Валерий вовсе не шофер, а знаменитый хоккеист, но ее матери это стало известно незадолго до того, как выяснилось, что Ирина беременна. В начале 1976 года у нее родился мальчик, которого назвали Александром, а в мае 1976 года Валерий и Ирина наконец-то поженились.

К этому времени Харламов был уже шестикратным чемпионом СССР, шестикратным чемпионом мира и двукратным чемпионом Олимпийских игр. Он был, наверное, самым популярным спортсменом в стране и самым известным советским спортсменом за границей. Его обожали все, включая даже болельщиков «Спартака», что должно многое сказать тем, кто разбирается в тонкостях отечественного спорта.

…За восемь лет, прожитых в большом хоккее, сыграно несколько сот матчей. Разные они по содержанию, разные по результатам. Не так-то просто выбрать самый памятный, но я попытаюсь.

И начну с матча… веселого.

Сборная Советского Союза накануне очередного чемпионата мира отправилась в турне по Федеративной Республике Германии и Голландии. Мы провели серию встреч в разных городах, и вот когда мы играли со сборной командой Голландии, тренер соперников, судя по всему, дал своим подопечным задание персонально опекать ведущих советских нападающих.

Особенно ревностный опекун достался Александру Мальцеву. Это был тот тип хоккеиста, который безукоризненно исполнителен и послушен воле тренера, который стремится максимально точно выполнить получаемое им игровое задание – в рамках своих возможностей, понятно.

Опекун не отставал от Саши ни на шаг. Мальцев откатывается к своим воротам, соперник катится за ним, Саша устремляется вперед, опекун опять старается не отставать. Наш форвард внезапно останавливается. Рядом замирает соперник. Саша готовится получить пас, шайба адресована точно на его клюшку, но не тут-то было: опекун успевает все-таки поднять клюшку соперника.

Мальцеву и смешно и тошно.

Наконец, не выдержал. Подъехал к нашей скамейке, спрашивает у тренеров со смехом, что же ему делать. Вмешиваюсь в разговор, советую:

– Сходи в нашу раздевалку, может, он опять за тобой увяжется?..

Мы смеемся, обсуждаем проблемы сашиного опекуна, а игра тем временем продолжается. Хоккеисты Голландии владеют шайбой, но играют вчетвером – пятый хоккеист, персональный сторож Александра, стоит около борта: опекает Мальцева. Соперник, не зная языка, слушает наши разговоры, силится угадать, о чем речь… Кто-то из наших поощрительно хлопает его по плечу. Опекун Саши догадывается, что говорят о нем, и тоже улыбается. А шайбу тем временем в своей зоне перехватили наши хоккеисты, началась атака, несколько пасов, и вдруг Мальцев так стремительно рванулся вперед, что соперник, не ожидавший такой прыти, так и остался стоять на месте у нашего борта.

Мальцев забил гол, но тренер команды Голландии не корил незадачливого сторожа, а над слишком буквально истолкованным понятием «персональная опека» смеялись не только мы, но и наши соперники.

Леонид Трахтенберг, спортивный обозреватель газеты «Московский комсомолец»

Когда 14 января наша хоккейная сборная возвращалась из-за океана, а так случалось, я покупал по дороге в аэропорт гвоздики, чтобы подарить их в день рождения Валерию Харламову. Позади оставались тяжелые игры с канадцами, утомительный десятичасовой перелет, но Валерий не жаловался на усталость. На дне рождения, как, впрочем, и всегда, он был душой компании: поддерживал разговор, шутил, танцевал.

А танцевал он прекрасно… Валерий любил музыку и почти всегда привозил из поездок новые диски. Правда, коллекционировать их он не умел: если видел, что кому-то из гостей особенно понравилась какая-то мелодия, сразу же дарил пластинку. Делал это искренне, от души и отказаться было просто невозможно.

Анатолий Тарасов, заслуженный тренер СССР

В прощальном слове на траурном митинге перед тысячами людей, перед верными друзьями хоккея и Харламова, собравшимися на Новокунцевском кладбище, я говорил, что Валерий не знал своего величия. И вот теперь, близко знакомый с ним почти два десятилетия, я хочу рассказать о том, что Валерий был действительно великим хоккеистом, хочу убедить вас в том, что он не ведал истинных масштабов своего поразительного дарования, никак, никогда, ничем и ни перед кем не подчеркивал своей исключительности и вообще был редкостно чистым и честным, порядочным человеком…

…Харламов был просто-напросто создан для хоккея, весь, что называется, заряжен на эту мужественную, хитроумную, скоростную игру. Он сражался с чехословацкими, шведскими, американскими асами хоккея, со знаменитыми, крайне опасными и чрезвычайно умелыми канадскими профессионалами. И он блистал ярче всех в этом окружении звезд, был сильнейшим среди сильнейших, первым среди равных.

Когда он был приглашен на финал Кубка Стэнли в Канаду, переполненный до отказа огромный ледовый стадион приветствовал его стоя. Суперзвезду хоккея узнавали на улицах Монреаля и Праги, Стокгольма и Москвы. Да что там! Помню, как канадские хоккейные менеджеры довольно недвусмысленно заявляли и в частных беседах, и в интервью для печати, что мечтают заполучить Харламова. Назывались даже фантастические цифры его предполагаемых гонораров, превышавшие, для сравнения, годовое жалованье президента США, суммы, выплачивавшиеся самым знаменитым канадским «профи». Сведения такого рода, разумеется, доходили до Валерия, но он – и это показательно для его характера – никогда и словом не обмолвился, что знает об этих лестных предложениях, не бахвалился, как иные из его коллег, обласканные славой.

В чем же, собственно, состояло дарование Харламова, почему его считали сильнейшим форвардом этой самой популярной в мире игры? Он владел в необычайной степени тремя скоростями: взрывной быстротой передвижения и маневра на льду, молниеносной реакцией на малейшие изменения игровой ситуации и поведения партнеров и соперников, нестандартной быстротой технического мышления. Вот они три скорости Валерия Харламова. Эти три способности, в отдельности

встречающиеся у многих, образовали в хоккейном творчестве Валерия удивительный сплав.

Но это еще далеко не все. Обводка Харламова – это уже почти легенда. Перехитрить, переиграть в единоборстве не одного, а нескольких противников, и не единожды, а снова и снова, с легкостью поразительной и внушающей соперникам неуверенность и почтение – этим был славен Харламов.

Вспомним, как в Москве, в решающем матче со сборной Канады, командой, составленной из звезд профессионального хоккея, он один, да – один, принес нашей команде победу. Первого канадца он обвел своим коронным финтом – обманным кивком головы в сторону, отчего тот кинулся наперерез, туда, куда Валерий и не собирался двигаться. Второго, который намеривался на подкате столкнуться с Валерием, он обыграл, резко затормозив и одновременно развернув туловище, так что противник промахнулся и пролетел мимо. А третьему он показал, что якобы потерял шайбу, умышленно опустив ее от крюка, и, когда канадец дотронулся до шайбы, предвкушая, видимо, радость от того, что отнял ее у самого Харламова, Валерий налетел на него, ударом плеча опрокинул на лед, овладел шайбой и оказался один на один с вратарем Чиверсом.

Как бы шутя, чуточку даже игриво приблизился Валерий к опытнейшему голкиперу канадцев, сделал замах клюшкой и выпад влево с явным намерением пробить в правый от вратаря угол ворот. Его финт, положение тела, его глаза и веселая улыбка были до того естественными, что вратарь просто не мог не поверить в очевидность харламовского замысла и начал смещаться вправо. Но Валерий сыграл иначе – неуловимым движением он послал шайбу верхом в левый угол ворот.

Описать его действия в этот незабываемый момент вроде бы не слишком сложно. Но сыграть так против столь сильного противника – это почти невозможно. Не верилось глазам своим. А между тем Харламов делал подобные вещи не раз, и каждый раз это были прекрасные минуты.

Существует, хотя и довольно условное, деление мастеров хоккея на игроков коллективных и индивидуальных. По этой классификации виртуоз Харламов вроде бы должен был считаться закоренелым индивидуалистом, чуть ли не эгоистом на площадке. Но до какой степени это неприменимо по отношению к нему! Вот уж кто умел по-детски непосредственно радоваться удаче товарища, да и не просто радоваться ей, а изо всех сил помогать рождению такого успеха, буквально создавать его!

Пас – выверенный, ювелирно точный, скрытый от противника и известный партнерам был изобретен в нашем хоккее довольно

давно. Его применял еще Николай Хлыстов – нападающий команды «Крылья Советов» и сборной страны на заре освоения этой игры. Отлично использовали его Александр Альметов, Александр Уваров, Анатолий Фирсов, Борис Майоров, Владимир Викулов и многие другие. Но так искусно, так творчески и хитро, как делал это Харламов, пасовать никому не удавалось.

Он влезал в самое игровое пекло, угрожая молниеносной обводкой нескольких соперников, создавая реальную опасность взятия ворот. Противники отчаянно наваливались на него, пытаясь блокировать, отнять шайбу или просто сбить с ног. И это освобождало от опеки партнеров Харламова. А он в какое-то мгновение скрытым, «кистевым» броском пасовал товарищу по команде, находившемуся в выгоднейшей голевой позиции.

Для такой комбинации мало самой взыскательной, отточенной техники. Тут необходимо обладать особым зрением, позволяющим видеть всю площадку, всех соперников и всех партнеров одновременно. Тут надо уметь со скоростью самого современного компьютера просчитать все мыслимые варианты, выбрать лучший и реализовать его – либо сыграв самому, либо отдав шайбу товарищу, но не тому, от кого ждут и кого стерегут противники.

Именно творческим восприятием уроков Харламова можно в значительной степени объяснить яркую, тонкую и сложную игру нынешних перспективных молодых нападающих Владимира Крутова, Сергея Макарова, Сергея Шепелева, Игоря Ларионова, Александра Кожевникова.

Валерий был, с моей точки зрения, большим психологом в хоккее; его отличали не только ясность и остроумие собственного замысла, но и умение с легкостью разгадывать замыслы соперников. Со стороны казалось даже, что он заранее знает все, что может придумать хоккеист, кидающийся ему наперерез. Харламов на льду был постоянно, ежесекундно готов к единоборству, может быть, оттого он и был напрочь лишен стремления к конфликтам в жизни. Его терпение, добродушная снисходительность просто удивляли.

Я помню, как однажды канадцы устроили форменную охоту на него. Цель была понятна: вывести Валерия из игры и тем самым обеспечить канадской команде шансы на победу. На роль «костоломов» были приглашены опасные люди – Кларк и Круэ. Кто помнит крупно показанные по телевидению лица этих «профи», тот поймет, что это за ощущение – все время чувствовать, что тебя ищут и твоего увечья добиваются. Однако и Харламов был не прост и сделан отнюдь не из одуванчиков, вот как-то раз им удалось довольно сильно сбить его на лед. Ребята в

один голос говорили мне, что это не просто столкновение, что канадцы собирались не использовать силовые приемы, разрешенные правилами, а сломать Валерия. Я спросил его самого, так ли это, но он сказал, что ничего особенного не произошло и что он виноват, коли не нашел противоядия против грубости.

Спортивная жизнь такова, каковы люди, посвятившие себя спорту. Валерий был истинным рыцарем хоккея – благородным до конца, за что его уважали и любили все, кто выигрывал у него и кто проигрывал ему. Он не любил поражений. Не мог смириться с тем, что другая команда сильнее его команды. И когда ЦСКА или сборная времен Харламова проигрывали, соперники боялись следующего матча больше прежнего. Знали, что на лед выйдут Михайлов – Петров – Харламов – великолепная тройка, не сломленная поражением, а, наоборот, набравшаяся новых сил, новой отваги, новой непримиримости в борьбе за победу. Это было не непомерное честолюбие, хотя и в нем для спорта нет ничего ужасного, а в чистом виде явленные азарт и мужество бойца, не умеющего сдаваться на милость победителя.

И еще это было уважение к зрителям. Хоккей – всегда спектакль с сюжетом, не известным заранее никому. Сплошь и рядом матчи любого уровня и ранга преподносят сюрпризы, поражающие даже знатоков. За то, наверное, и любят игру во всем мире. Так вот Валерий ценил доверие зрителей, пришедших на стадион, чтобы посмотреть на его игру. Он считал глубоко недостойным схалтурить, поберечь силы, когда команда буквально ложится костьми, избежать силового единоборства с соперником, превосходящим в габаритах и в весе. Валерий никогда не спорил с судьями и редкие наказания – удаления на две минуты сносил сдержанно и терпеливо. Он был корректен еще и потому, что понимал: судья может не заметить, тренер может просмотреть, товарищи по команде могут не понять, а публика… Публику не проведешь. Не случайно мало кто из самых одаренных хоккеистов пользовался у многомиллионной хоккейной аудитории такой любовью и таким уважением, как Харламов.

К своей популярности он относился так же просто, скромно и деловито, как к любому делу или обязанности. Часами, не ленясь, он ставил автографы поклонникам хоккея, щедрой рукой раздавал значки мальчишкам и взрослым. Безотказно ездил он на десятки выступлений, рассказывал слушателям о любимой игре, откровенно отвечал на вопросы. Как в театр ходят на Плисецкую, на Атлантова, на Смоктуновского, так и на стадион ходили на Харламова.

Казалось, жизнь прекрасна! Ровная широкая дорога к славе продолжала расстилаться перед Валерием Харламовым, и вроде бы у него теперь была только одна проблема – где бы найти такую высоту, которую он еще не покорил. Но жизнь непредсказуема и любого может мгновенно сбросить с Олимпа. Так произошло и с ним.

26 мая 1976 года, меньше чем через две недели после свадьбы, Валерий и Ирина попали в аварию на Ленинградском шоссе, когда ночью возвращались из гостей. Валерий решил обогнать медленно ехавший грузовик, но когда выехал на встречную полосу, на него из-за встречного грузовика выскочило такси. Он резко вывернул влево, съехал с дороги и врезался в столб.

Мать Ирины вспоминала ту ужасную ночь: «Какое-то время после свадьбы Ира с Валерой жили отдельно от меня. Однажды звонят мне на работу: не посидишь ли завтра с маленьким Сашей – они куда-то в гости собрались. Условились, что они еще перезвонят. На другой день я жду звонка, думаю, может, нашли кого в няньки, как вдруг звонит знакомая и говорит, что они на своей «Волге» разбились. Валера больше месяца лечил переломы ног и ребер. А у Иры тоже был перелом ноги, раздробление пятки и сильнейшее сотрясение мозга».

Вспоминал об этом и Владислав Третьяк: «Возвращаясь ночью домой на автомобиле, Валера не смог справиться с управлением и… машина разбилась вдребезги, а Валеру и его жену доставили в госпиталь. Плохи были дела у Харламова: переломы лодыжек, ребер, сотрясение мозга. Только женился человек, и вот на тебе – «свадебное путешествие» в армейский госпиталь. Долгое время врачи не были уверены в том, сможет ли Харламов снова играть в хоккей. Два месяца он провел на больничной койке. Только в августе Харламов встал и сделал первые самостоятельные шаги по палате. Но чтобы выйти на лед – до этого ему было еще ох как далеко…»

Я никуда не спешил. Но грузовик, едущий впереди, катился вызывающе медленно. Он мне даже успел надоесть, этот грузовик. И я решил обойти его. Включил мигалку поворота и взял чуть левее, увидел идущую навстречу грузовую машину, подумал, что легко проскочу между двумя грузовиками, только добавлю скорость. И в ту секунду, когда я нажал педаль газа, из-за мчавшейся навстречу машины показалось такси. Видимо, мы в одно мгновение ударили по тормозам. Резина на задних колесах моей «Волги» была уже почти «лысой». Машину повело резко влево и

швырнуло на столб… Вот так и началась эта рукопись. Почти так. Потому что в первые две-три недели пребывания в госпитале (у меня были перебиты ноги и сломаны два ребра, у Иры, жены, ноги тоже оказались в гипсе) практически не было свободного времени. То, что работники ГАИ называют ДТП – дорожно-транспортным происшествием, вызвало, к моему изумлению, какой-то необычный интерес у приятелей, знакомых, полузнакомых и вовсе незнакомых мне людей. Скучать не приходилось: какими бы строгими ни были порядки в госпитале в Лефортово, заборы, как известно, для того и возводятся, чтобы в них были щели. Анатолий Фирсов пояснил мне едва ли не с гордостью, что к нему много лет назад таким путем проникала сюда жена. Но на пальму первенства претендовал и другой знаменитый хоккеист – Владимир Лутченко: его усилиями решетка была раздвинута настолько широко, чтобы мог пролезть человек, обладающий габаритами этого могучего защитника.

Потом возникли слухи. Первые оказались неинтересными – Харламов был навеселе (как вариант – пьян) и потому попал в автокатастрофу. Затем фантазия начала разыгрываться. Оказывается, я вез в машине Александра Якушева с женой, и спартаковец тоже пострадал, а у Саши ни разу пока не было случая сесть в мою машину. Дальше – хуже. Речь шла уже не о травмах, а о самом печальном. Говорили, что разбился вместе со мной другой игрок ЦСКА и сборной страны Геннадий Цыганков. Удивительно, но находились даже очевидцы трагедии.

Потом о моих неприятностях рассказал «Советский спорт».

Слухи поутихли.

Поток посетителей превратился в ручеек.

Дыру в заборе заварили.

Я уже начал было готовиться к выходу из госпиталя…

12 августа, когда из Свердловска транслировали матч двух команд – ЦСКА и сборной Советского Союза, телекомментатор сообщил, что через две недели врачи меня выпишут.

А утром в тот день мне снова наложили гипс на правую ногу, сказали, что снимут не раньше чем в начале сентября.

Харламов получил двухлодыжечный оскольчатый перелом правой голени, перелом двух ребер, сотрясение мозга и множество ушибов. Врачи советовали ему завершить спортивную карьеру, но он и слышать об этом не хотел. Он начал ходить на костылях, с каждым днем все больше, и в конце концов они смирились и сказали: «Все зависит от вас. Шансов вернуться на лед немного, однако они есть. Вам предстоит нелегкий путь». В палате для него оборудовали специальную комнату, где у него

стояли гири и где он мог заниматься атлетическими упражнениями.

Друзья его не забывали, приносили новости, подкармливали чем-нибудь вкусненьким, но самое главное было то, что Михайлов и Петров ему сказали, что в сентябре сборная собирается ехать на Кубок Канады, но их тройка без него не поедет. Это была такая моральная поддержка, такой стимулятор, с которым не сравнилось бы никакое лекарство.

Матч за матчем.

Сезон за сезоном.

Длинная-длинная вереница хоккейных баталий.

Упругий, насыщенный ритм спортивной жизни.

Я знаю, что буду делать завтра, где буду через три дня и куда поеду через неделю.

Хорошо выучил расписание самолетов на Новосибирск, Челябинск, Прагу и Стокгольм.

В октябре, ноябре, феврале и марте (сдвижка во времени возможна самая незначительная!) играю против Александра Якушева и Александра Мальцева, в сентябре вместе с двумя Сашами против Фила Эспозито или Бобби Халла, в декабре и апреле против Владимира Мартинеца, Франтишека Поспишила, Дана Лабраатена и Ульфа Нильссона.

Матч за матчем.

Сезон за сезоном.

И вдруг цепочка рвется.

Пауза. Вынужденная пауза.

Команда тренируется, играет без меня.

Без меня вылетает команда за океан, по маршруту, уже освоенному советскими хоккеистами, – в Монреаль.

А я остаюсь в Москве, в Лефортове.

Портативный телевизор в палате госпиталя – впервые за многие годы я пропускаю великолепнейший, красочный и шумный праздник хоккея, довольствуясь маленьким окошком, через которое увидишь, увы, немного.

Заходят друзья, партнеры по звену, оставшиеся в Москве. Тоже скучают, тоскуют без хоккея.

Впервые играются матчи с профессионалами, в которых сборная СССР выступает без нашей тройки.

Тренерскому совету, конечно, виднее, как строить игру, как формировать команду, как готовиться к Олимпиаде, которая ждет нас через четыре года, однако нам кажется – и Михайлову, и Петрову, и мне, – что ведущие игроки песни не испортили бы. Что же касается молодых, то и им бы места в составе хватило – все-

таки двадцать пять человек можно было включить в команду.

Наши тренеры, возглавляемые Виктором Васильевичем Тихоновым, работали с командой прекрасно. Они поехали за океан на труднейший турнир с командой, где, в сущности, не было двух первых звеньев, и тем не менее сборная произвела отличное впечатление.

Я плохой телеболельщик, если речь идет о хоккее. Нет навыка. Привык воспринимать игру с площадки или со скамейки, где ждем мы своего череда выходить на лед.

Но когда в пятницу, 10 сентября, днем, меня выписали из госпиталя, я чуть ли не каждые четверть часа поглядывал на часы – ждал времени начала телерепортажа о матче команд СССР и США.

Цветной телевизор с большим экраном давал возможность увидеть больше, чем портативная «Юность».

И вот репортаж начинается, показывают наших хоккеистов, показывают американцев, камера скользит по трибунам, и я, конечно же, узнаю каток «Спектрум» в Филадельфии, где играли мы с командой Фреда Шеро, с «Филадельфией Флайерс».

«Кубок Канады» – так называется этот турнир, но не только в канадских городах Монреале, Торонто и Оттаве проводятся матчи. Против двух сильнейших европейских команд – Чехословакии и Советского Союза американцы решили сыграть у себя дома – в Филадельфии, где, как мы убедились на собственном опыте в январе 1976 года, стены действительно помогают.

Вот-вот начнется игра.

Эх, погонять бы сейчас!

Олег Спасский, зам. главного редактора журнала «Советский Союз», ответственный редактор журнала «Спорт в СССР»

В конце лета 1976 года были переломы ног, ребер. Начинались, как и на этот раз, матчи Кубка Канады, первого Кубка, и он «болел», как все, у экрана телевизора. Отшучивался, когда было грустно.

В больнице не мы его, а он утешал нас: друзей, родственников, журналистов.

Предложил:

– Времени теперь много. Может, попробовать сейчас книжку написать? Поможешь?..

Книжка вышла. Затем еще одна.

Потом в редакции журнала «Огонек» на встрече с мальчишками, приглашенными отделом спорта, объяснил:

– Я рассказываю о хоккее, о товарищах и о себе потому, что хочу приобщить к спорту как можно больше людей. Ведь спорт – это здоровье, интереснейший отдых, новые друзья…

…После первой автомобильной катастрофы ходил он не спеша. Плавал в бассейне. Пробовал и бегать. Заходя в редакцию, шутил, как всегда:

– Проложить бы от Дворца спорта ЦСКА до вас искусственный лед. Все-таки ходить пока тяжело. На коньках легче: может, потому, что нога закреплена…

Рассказывал, как возвращался в хоккей после перелома ног в ребер:

«Не только везение, но и настойчивость, характер у меня есть – вот что хотелось мне показать. Повторяю – прежде всего самому себе.

Появилось что-то вроде плана, нигде, разумеется, не зафиксированного. Пункт первый – научиться ходить на костылях. Второй – без них. Пункт третий – научиться бегать. Когда сняли гипс, стал заниматься с гантелями. Старался, с разрешения врачей, так нагрузить мышцы, как привыкли они работать в дни самых интенсивных тренировок.

Самое трудное, однако, было потом. Когда уже вышел на лед. Когда нужно было догонять ушедших далеко вперед. Пункт четвертый моего плана – заниматься больше, чем партнеры».

Завидное трудолюбие. Примерное трудолюбие. И мужество,

несгибаемость. Как сказали бы боксеры, «умение держать удары». Не только соперников. Судьбы тоже.

Леонид Трахтерберг, спортивный обозреватель газеты «Московский комсомолец»

Харламов, вероятно, был гигантом в самых смелых сравнениях с любыми мастерами мирового хоккея. Тем не менее понять его без людей, бывших с ним изо дня в день в самых сложных ситуациях и на льду и в жизни, невозможно.

Вот поэтому истинный Харламов для меня всегда рядом с Борисом Михайловым и Владимиром Петровым. А как же иначе. Ведь он и сам бы никогда не захотел себя от них отделить…

…В отношениях с Харламовым Михайлова отличала не так уж часто случающаяся в спорте бережность. Однако не стоит забывать, каким требовательным и, более того, бескомпромиссно строгими и в сборной, и в клубе бывал Борис с партнерами, независимо от их возраста, заслуг, человеческой репутации.

Возможно, в такой момент, когда самым знаменитым ветеранам зябко от невольно наступающего одиночества, Михайлову и нужна была бы поддержка Харламова. Но он отлично знал, что характер Валерия никогда не позволит ему выступить против молодых.

И азартный Михайлов старался не обижаться на него за это.

Он всегда принимал Харламова таким, какой он есть. Знал, что добродушным Харламов по-своему неизменно влияет на молодых. По самому складу своему тот всегда оказывался ближе к молодым, к новичкам – им всегда было легче с ним, чем с Михайловым или Петровым.

Скорее всего, в отношении Михайлова к Харламову проскальзывало нечто отеческое. Михайлов не мог не понимать, что по чисто хоккейным возможностям Харламов был одареннее. Но он полагал, что в сложных ситуациях общечеловеческой и спортивной жизни Харламов нуждается в его помощи, а иногда даже руководстве.

И он, случалось, помогал ему и, если надо, руководил им, что Валерий воспринимал как должное…

Триумфальное возвращение

Осенью 1976 года Харламов вернулся на лед. Сначала тренировался с мальчишками, потом в составе ЦСКА. Почти все тогда сомневались, что он сможет стать прежним. Но тренер верил в него и 16 ноября 1976 года выпустил его на лед против команды «Крылья Советов».

Перед игрой с разрешения тренера «Крыльев Советов» Кулагина перед игроками выступил врач ЦСКА и сборной СССР Олег Белаковский, который сказал, что в матче против них на лед выйдет Харламов, и попросил хоккеистов не применять против него силовые приемы. И действительно, игроки «Крыльев» действовали против него в игре предельно корректно, не понадобилась даже постоянная опека Михайлова и Петрова. Когда же Харламов забил гол, его приветствовали овациями не только болельщики и игроки ЦСКА, но и противники.

В сборную СССР он вернулся в декабре 1976 г. на турнире на приз газеты «Известия» и в первом же матче против шведов забил три гола.

В 1978 году сборная СССР в Праге вновь выиграла «золото», что во многом стало заслугой вернувшегося на лед Харламова. И в следующем 1979 году в Москве сборная СССР опять разгромила соперников и в очередной раз показала, что тройка Михайлов – Петров – Харламов сильнейшая в мире.

Когда осенью 1976 года я выписывался из госпиталя, куда попал после автокатастрофы, врачи объяснили мне, что меня так сравнительно быстро вернули в строй в решающей мере мое собственное здоровье и спортивная закалка. Хоккеисту не требовались какие-то дополнительные уколы, массажи или прогревания. Организм, все мышцы были подготовлены к этому неожиданному испытанию.

Однако, прощаясь с врачами, с медицинскими сестрами, я вспоминал, что далеко не все, кто осматривал меня или просто навещал, верили, что я вернусь на лед. С сочувствием расспрашивали, что буду делать без хоккея, привлечет ли спортсмена какая-то другая работа, кроме тренерской. Впрочем, были и другие, кто, напротив, утешал, убеждая, что я скоро поправлюсь.

Кто же был прав? Ответ мог дать только я – все предстояло решать самому.

Никогда бы прежде не поверил, что, приближаясь к своему тридцатилетию, стану вспоминать, прямо сопоставляя с

собственной судьбой, кого-то из литературных героев, тех, о ком когда-то читал или кого видел в кинофильмах. Но ведь и вправду, оказывается, ищет человек в трудную минуту поддержку и в литературе. Я вспоминал и Алексея Маресьева, и Владислава Титова, чью книгу «Всем смертям назло» я успел прочитать до дурацкой моей истории, вспоминал и понимал, что им было неизмеримо труднее, и тем не менее они вернулись в жизнь, справились с несчастьем. А у меня все проще. Моей жизни ничто не угрожает, а уж справиться с такими в общем-то не слишком необычными травмами я должен как можно быстрее.

Не нужно, конечно, чтобы у человека были такие вот поводы для самоутверждения, но, говорят, человек только предполагает…

Мне хотелось, чтобы и я сам, и Ира, моя жена, и родители поняли, что чемпионом я стал не только потому, что попал в хорошую компанию, к хорошим тренерам, что мне повезло. Хотел прояснить и для себя самого извечный вопрос, чего же я стою.

Не только везение, но и настойчивость, мужество, характер у меня есть – вот что хотелось мне показать. Повторяю – прежде всего самому себе.

Появилось что-то вроде плана. Нигде, разумеется, не зафиксированного. Пункт первый – научиться ходить на костылях. Потом без них. Пункт третий – научиться бегать. Когда сняли гипс, стал заниматься с гантелями. Старался, с разрешения врачей, так нагрузить мышцы, как привыкли они работать в дни самых интенсивных тренировок.

Наиболее трудное, однако, было потом. Когда уже вышел на лед. Когда нужно было догонять ушедших далеко вперед. Пункт четвертый моего плана – заниматься больше, чем партнеры.

Это было третье начало моей хоккейной жизни.

Дмитрий Рыжков, обозреватель газеты «Советский спорт»

Шел матч ЦСКА – «Крылья Советов». После несложной комбинации армейцев шайба была перенаправлена Валерию Харламову. Причем перенаправлена не в самый удачный момент. Валерий принимал ее у борта, стоя на месте, и был отличной мишенью для соперника. Обычно защитники такого момента не упускают: с ходу в игрока – удар, а форварду, впечатанному в борт, остается только подбирать со льда амуницию – отлетевшие в стороны перчатки, клюшку да потирать бока.

Однако на этот раз защитник «Крыльев Советов» Глухов, устремившийся было к Харламову, вдруг резко затормозил. Полетело веером из-под его коньков ледяное крошево, обдав Валерия с ног до головы. Тихо ахнули удивленные странным поведением защитника трибуны. А Харламов, воспользовавшись ситуацией, покатил к воротам «Крылышек».

Покатил к воротам… Обычно в такой ситуации защитники не брезгуют почти ничем. Клюшка, как сабля, сечет по рукам форварда, а уж коли недорубили, свалят смельчака на лед, – и пусть свистит судья!

Однако на этот раз Харламова не рубили, не сбивали – разве что слегка цепляли руками: уж больно близко Валерий к воротам подобрался. А когда чуть позже он все же забил гол, свершилось уж совсем необычное. К аплодировавшим зрителям присоединились хоккеисты «Крыльев Советов». Да, да, сами игроки и вратарь «Крылышек» аплодировали форварду, только что забросившему шайбу в их собственные ворота. Такого мне, например, видеть на наших катках еще не доводилось.

Что же произошло? Весной 1976 года, примерно за полгода до описанного матча ЦСКА – «Крылья Советов», Валерий Харламов попал в автомобильную катастрофу. Врачи поначалу были категоричны: ходить будет, но о хоккее нечего и думать. А он, Валерий, думал. Но думал не абстрактно – вдруг медицина свершит чудо?! А предельно конкретно – что должен сделать он сам, чтобы чудо свершилось.

Сначала чудеса были маленькие, почти микроскопические – пропрыгал на костылях пять метров по коридору госпиталя. Потом – десять… двадцать…

Увеличивалась дистанция. Костыли сменила палка, правда, не хоккейная «палка», как называют клюшку сами игроки, а обычная. Но до большого чуда – до возвращения в хоккей было

еще очень далеко.

Рассказывают, в те дни многие хоккеисты из других городов, встречаясь с москвичами, задавали один и тот же вопрос: «Как там Харлам?» А в ответ следовало сначала «ходит на костылях»… затем – «с палкой». И наконец долгожданное – «…начал кататься».

«Долгожданное» не ради красного словца сказано. Хоккейный клан при всех сложностях взаимоотношений, при существующих – порой на почве конкуренции за место – симпатиях и антипатиях был на редкость единодушен в отношении Харламова: его талант уважали, его самого любили. За доброжелательность. За то, что не делил он игроков на партнеров и соперников. За отсутствие даже тени – и это при его-то титулах – высокомерия.

Стоит ли удивляться, что в матче ЦСКА – «Крылья Советов», а это был матч-возвращение для Валерия Харламова, всем – и партнерам, и соперникам, и зрителям – хотелось быть сопричастными к чуду. Отсюда и бережное (лучше слова не подберешь) отношение к Валерию всех тех, кто выходил, независимо от цвета формы, вместе с ним на лед. Отсюда и всеобщие, независимо от клубных симпатий зрителей, аплодисменты.

Дворец спорта аплодировал не голу Харламова – он приветствовал чудо, которое совершил Валерий. Чудо возвращения в хоккей.

Конечно, нужно отдать должное медикам: они сделали все возможное и, кажется, даже невозможное для того, чтобы Харламов вновь вышел на лед. Но медицина врачует лишь тело. Сколько людей рано ушло из спорта после куда менее серьезных травм – сломился их дух. А Валерий вернулся. Почему? Что помогло ему?

«Он был мужественный человек, – рассказывает Борис Павлович Кулагин. – Приведу один лишь пример. В серии встреч 1972 года сборных СССР и Канады Бобби Кларк опекал Харламова, не брезгуя ничем. В шестом матче – а он проходил на льду Лужников в Москве – Кларк нанес Харламову такой удар по ногам, что Валерий был не в состоянии больше выступать.

Многие, даже известные хоккеисты, получив и более легкую травму, отдают себя в руки эскулапов, и о выходе на лед не помышляют. И все это – на вполне законных основаниях. Но, зная характер Харламова, перед последней, восьмой, игрой серии я обратился к нему с не совсем обычной просьбой. Я попросил Валерия все же выйти на площадку.

«Канадцы, – сказал я ему, – опасаются тебя больше всех. Поэтому мы бы хотели, чтобы ты вышел на эту решающую игру. Сыграй вполсилы – и все будет нормально. Катайся

осторожненько, на столкновения не иди… Сегодня нужно твое имя».

Анатолий Тарасов, заслуженный тренер СССР

В его судьбе был очень тяжелый момент, когда они вместе с женой попали в автомобильную аварию – ударились о столб и были выброшены через открывшиеся дверцы на обочину. Валерий стал заметно прихрамывать. Тогда-то у нас с ним произошел очень важный для обоих разговор. Я спросил, какие у него планы. Он ответил просто и убежденно: «Буду играть». Позже, приходя на тренировки, я видел, с каким чудовищным упорством он возвращал себя в хоккей, как жесток был к самому себе, как дорожил каждой минутой… И он вышел на лед. Он катался, хромая, ему все было трудно, нога болела, но по выражению лица нельзя было догадаться, как ему тяжело: веселая улыбка и прищуренные глаза – все как обычно. Мы радовались: на лед вернулся тот же Харламов.

Тот же, да не тот. Когда он стал участвовать в игровых упражнениях, восстановил навык передач и бросков, начал кататься с привычной скоростью, я заметил, что у него как-то не идет его знаменитая обводка. И не то, чтобы утерян навык или забыты финты, нет, он робко, словно не веря в себя, лишь изредка пытается обвести соперника. Похож он был на мальчишку, который стесняется при своих сверстниках сделать то, что у него может не получиться.

Несколько дней я ломал голову над этой проблемой. Играть он, конечно, будет, и вполне прилично, но увидит ли хоккей прежнего Харламова? И снова у нас с ним произошел прямой мужской разговор. Валерий и сам признал, что не клеится у него обводка и что нужно дополнительное время для полного восстановления навыка. А мне казалось, что дело не в технике, не в координации движений – выполняет же он идеально точно другие приемы. Причина в ином – утрачена психологическая уверенность в себе, в своей способности переиграть соперника.

И я посоветовал ему включить в дневной цикл, а он состоял у команды из двух-трех тренировок, дополнительную тренировку. Я предложил ему играть одному против пяти – шести 10–15-летних мальчишек.

Ребятам мы не сказали, что Харламов еще не совсем здоров, иначе тренировке не хватило бы серьезности, она превратилась бы в поддавки. Мальчишкам так хотелось обвести самого Харламова, отнять у него шайбу! В единоборстве они были цепки и отчаянны. Словом, приходилось ему очень туго, особенно когда

надо было догонять этих юрких и живых, как ртуть, пацанов. Временами мне казалось, что эксперимент себя не оправдывает, потому что никто не сможет выдержать такое напряжение, такую дьявольскую нагрузку. Но Валерий понимал, до какой степени ему это важно, и тренировался самоотверженно. Мастерство, а главное – психологическая устойчивость, вера в себя крепли день ото дня.

Леонид Трахтенберг, спортивный обозреватель газеты «Московский комсомолец»

…В ожесточившемся теперь до предела сражении на льду изменились и вкусы публики. Но Харламов был и остается игроком на любой вкус. Даже самому неискушенному в тонкостях хоккея зрителю Харламов своей игрой как бы рассказывал о себе самом, а не об умении играть в хоккей. И у незнакомых с ним лично людей, а таких, разумеется, большинство, ощущение, что и в обыкновенной жизненной суете он точно такой же, как на площадке.

Выходит: игра Харламова, ко всему прочему, дарила каждому зрителю эффект личного знакомства.

Те же, кто и вправду хорошо был знаком с Валерием, охотно подтвердят: да, при всей сложности характера Харламов был именно такой, каким представляют его себе миллионы.

Большой игрок всегда естествен на поле – на то он и большой игрок. Но в быту человек теряет эту естественность, зачастую безнадежно, тратит силы души и характера на изображение чего-то ему несвойственного.

Харламову всегда легко было быть самим собой, в любой обстановке и в любом окружении соответствовать самому себе, своим взглядам на мир, на людей, на себя.

Но тринадцать сезонов в хоккее – все-таки дистанция во времени. И уже кому-то из молодых, новых болельщиков представляется: Харламов был всегда. Неповторимость его воспринимается как должное.

Имя – большое дело в спорте. Но нигде, наверное, оно так жестоко не работает против того, кто его носит. Он вынужден в каждом соревновании это имя оправдывать и подтверждать. Подтверждать на виду у всех.

В какое время легче было Харламову: когда он считался неперспективным или когда числился среди лучших «всех времен»? Да одинаково трудно, надо полагать. В зените славы даже труднее.

Перед матчем на приз «Известий» 1978 года с командой Чехословакии, направляясь в форме на лед, Валерий увидел своего партнера по юношеской команде ЦСКА, ведущего игрока тройки, Владимира Богомолова, в ту пору тренера юношеской сборной страны, и сказал ему:

«Хорошо тебе, Володя. Все у тебя уже ясно. А мне вот еще…» Харламов показал клюшкой на лед.

Но в 1980 году в олимпийском Лейк-Плэсиде удача отвернулась от них, и знаменитая тройка почти все игры провела «всухую». Советская сборная выиграла «серебро», но в те времена это и для них, и для болельщиков было все равно что поражение. Они слишком привыкли всегда быть первыми.

Вероятно, эта серебряная медаль сыграла роковую роль в жизни Харламова, запустив цепочку событий, приведших его к гибели. Еще в 1977 году, когда в составе ЦСКА он стал семикратным чемпионом СССР, клуб и сборную возглавил новый тренер – Виктор Тихонов. Талантливый, знаменитый и, конечно, с собственными взглядами на то, какой должна быть команда. Он сделал свои выводы из поражения на Олимпиаде и взял курс на обновление сборной. Его решения не поколебало даже то, что в следующем году советские хоккеисты взяли реванш, вновь став чемпионами мира.

…Случилась со мной крайне неприятная история. Во время матча я не удержался и ударил кулаком хоккеиста «Химика», моего бывшего партнера Владимира Смагина. Мы вместе с ним играли когда-то. За этот проступок я был удален с поля на пять минут. Об инциденте много писали и говорили. И все, естественно, дружно меня осуждали… Справедливо осуждали. Я заслужил это всеобщее порицание и оправдываться не хочу. Меня обсуждали на СТК – спортивно-технической комиссии федерации хоккея, я каялся, каялся искренне, говорил, что это в первый и в последний раз.

Но было мне и тошно и вместе с тем обидно. Прощать мою грубость ни в коем случае, конечно же, не следовало, но и раздувать этот эпизод до такой степени тоже было несправедливо. Слушая, что говорили обо мне, я удивлялся. Говорили, что моя драчливость стала системой, что я постоянно нарушаю правила, спорю с судьями, считаю себя незаменимым и вообще позволяю себе черт знает что. Но когда же я забиваю, если только и умею что драться?

И теперь, когда боль поутихла, хочется сказать несколько слов по поводу этого печального происшествия.

Судьи на моем примере хотели показать, что у нас спрос со всех равный, независимо от титулов и званий. Но в том-то и дело, что спрос далеко не равный. Если ошибется, нарушит правило рядовой игрок, никто и внимания на это не обратит, а ошибется кто-то из ведущих, так сейчас же начинаются разговоры о том, что такой-то зазнался, многое себе позволяет, считает себя

незаменимым. Нужно ли Фирсову или Мальцеву, Якушеву или Викулову драться, играть грубо, выходить за рамки правил? Да нет, не нужно. У них и других аргументов хватает, чтобы выиграть дуэль у соперника, но случается, что и они грубят. Почему? Я твердо знаю: не по своей воле идут они на такой путь ведения игры. Их провоцируют, им не дают играть, и в конце концов Якушев или Мальцев «дают сдачу», потому что терпение их лопается. Я обращаюсь к судьям: «Будьте, товарищи судьи, внимательны, вы же понимаете и любите хоккей не меньше нас. Так пожалейте ведущих хоккеистов. Играют они больше других, их посылают на лед, когда команде трудно. Потому-то им и достается больше всех: поскольку мастерства для борьбы с ними не у всех хватает, то и используется «грязный» хоккей. Пресекать недозволенные приемы – первая обязанность судей».

Я спросил однажды популярного судью, близкого к руководящим сферам нашего хоккея:

– Неужели вы не видели, что такой-то несколько раз меня ударил?

– А что он еще может сделать? – ответил судья.

Но разве это довод? Тогда давайте запишем в правилах игры, что молодые, неопытные хоккеисты, которым не хватает технической подготовки и тактического кругозора, имеют право бить ведущих игроков. А пока правила игры едины, малотехничному игроку не позволено играть в «грязный» хоккей.

Станислав Шаталин, член-корреспондент Академии наук СССР

Кто-то сказал, что Сократ создал философию. Аристотель – науку. Несомненно, Харламов – один из создателей хоккея. Как Валерий убедительно доказал, для этого вовсе не обязательно стоять у истоков. На любой стадии развития можно сотворить нечто такое, что позволит получить неофициальный, зато вечный титул.

Я видел Валерия за день до трагической гибели, несдавшегося и необиженного, готового делать то, что делал всегда, – тренироваться и выступать. И помню следующий день, когда горизонт померк и небо срослось с землей…

Который уж год я работаю в Федерации хоккея СССР. Естественно, радею о популяризации и развитии прекрасной игры. С полной уверенностью могу сказать, что появление таких игроков, как Харламов, служит самым мощным импульсом и в широкой популяризации и в дальнейшем развитии хоккея.

Как человек, любящий спорт и столь же беспредельно ему преданный, я благодарен Харламову и его сподвижникам из поколения семидесятых не только за великолепное зрелище – хоккей с шайбой. У них я учился и учусь, признаюсь в этом без всякого кокетства, полной отмобилизованности, умению в самые трудные моменты отдать всего себя, не перекладывая на плечи других груз возложенных на тебя задач или жизненных неурядиц. Гвардия, а Харламов был истинным гвардейцем, иногда «умирала» на поле хоккейной брани, но никогда не сдавалась.

– Зря ваше звено расформировали.

– Что теперь говорить… Тренер решил – значит, все.

– Он не прав.

– У нас тот прав, у кого больше прав… 'Так, кажется, у Райкина?

– Почему у Райкина? По-моему, это сказал Эмиль Кроткий… Посмотрите сами, я же вам подарил «Отрывки из ненаписанного».

– Да, теперь на пенсии будет время почитать.

– Да ладно вам! Вы еще будете играть и играть… И в своей же тройке.

– Не думаю… Ладно, не будем об этом… Прошел ваш сценарий?

– Теперь я прошу: не будем об этом… Кстати, у меня такое впечатление, что я общался с вашим сыном.

– Где?

– Тут на днях я был в вашем доме… Во дворе играл с мячом мальчишка. Очень на вас похож. Шустрый такой, ловкий… По-моему, растет второй Харламов.

– Маловато вы ему отпустили. Лучше бы – второй Пушкин.

– Пушкин?.. Ну, что ж – тоже неплохо.

– А почему вы решили, что это мой сын?

– Я же вам говорю: очень на вас похож… Лет пяти.

– Совпадает… В полосатой шапочке?

– Да, да…

– Говорили с ним?

– Да что-то он не очень разговорчивый…

– Совпадает.

– На меня никакого внимания… Поставил мяч напротив окна и ударил изо всех сил…

– Разбил стекло?

– Нет, не попал.

– Не попал?.. Тогда это не мой сын.

Таким или почти таким был наш последний разговор.

Таким или почти таким мне запомнился Валерий Харламов.

Последний сезон

Звонит поутру
Атээсовский зуммер,
А сердце как знает,
А сердце болит!
На скорости жил
И на скорости умер! —
Какой беспощадный буллит!..

Михаил Танич

В 1981 году Харламов объявил, что этот сезон для него станет последним. Завершить его он хотел красиво, и сначала казалось, что ему это удастся. В составе ЦСКА он в 11-й раз стал чемпионом СССР и был признан лучшим нападающим в финальном турнире Кубка европейских чемпионов. В качестве финальной точки он мечтал выиграть награду, которой у него еще не было – Кубок Канады, который должен был стартовать в конце августа в Виннипеге. Но…

Вячеслав Фетисов вспоминал: «Валера тренировался неистово, он был в прекрасной форме, и чувствовалось, что очень ждал турнира такого высокого ранга, понимая, что он станет последним для него. Мы паковали чемоданы, как вдруг Тихонов вызвал к себе Харламова. Через полчаса Валера вышел из тренерской. Ничего не объясняя, он пожал ребятам руки, что-то пролепетал о победе, развернулся и уехал. Как потом выяснилось, Тихонов «отцепил» Харламова за какое-то прошлое нарушение режима…»

Сам Тихонов утверждал, что все было несколько по-другому, и что Харламов сам признал, что он не в форме, и в Канаду ему лучше не ехать. Как бы то ни было, для всех специалистов хоккея и болельщиков эта новость стала невероятной, в нее просто не могли поверить.

Но этот отмененный Кубок Канады стал для Харламова не просто концом карьеры. 26 августа, когда он мог бы быть в Виннипеге и отстаивать честь страны, он вместо этого по воле тренера или судьбы отправился в аэропорт – встречать жену с сыном, которые возвращались с отдыха на юге. Потом он отвез их на дачу в деревню Покровка под Клином, где тогда жили его теща и четырехлетняя дочь Бегонита.

Олег Спасский, зам. главного редактора журнала «Советский Союз», ответственный редактор журнала «Спорт в СССР»

Начиная работу над книгой «Первая тройка», посвященной Борису Михайлову, Владимиру Петрову и Валерию Харламову, я расспрашивал хоккеистов, тренеров о главном в характере героев. Когда речь заходила о Харламове, все, словно сговорившись, отмечали одно – редкую доброту, расположенность к людям.

Это я уже знал: о ком бы ни спросил Валерия, о каждом он отзывался хорошо. Недостатки видел, знал, но, рассказывая о товарище, о партнере или сопернике, подчеркивал тем не менее в первую очередь достоинства. Это общая черта хороших людей.

Обиду не таил. Был отходчив, добродушен. Охотно смеялся шуткам других. На просьбу чехословацких любителей спорта назвать самого веселого и остроумного человека в его команде Виктор Васильевич Тихонов, старший тренер двух команд – сборной и ЦСКА, первым, не колеблясь, назвал Харламова.

Познал известность, славу. Громадную славу. Его узнавали не только в Москве: в пражском автобусе, на улицах Монреаля, где не было отбоя от коллекционеров автографов.

Имел награды, звания: три ордена, почетный знак ВЛКСМ и знак ЦК ВЛКСМ «Спортивная доблесть», две золотые олимпийские медали, восемь медалей чемпиона мира, десять – чемпиона СССР.

Знал славу. Но не знал себе цену. Не хотел знать.

За пределами площадки был заметен меньше других. Порой застенчив. Невероятно застенчив.

Когда Валерия уже не стало, разговаривал о нем с Чернышевым – Аркадий Иванович, с участием которого сложилась вся история отечественного хоккея, сказал:

«Это величайший хоккеист современности. Говорю не только о нашем хоккее. И очень скромный человек. Деликатный. Чуткий».

После матча, турнира, чемпионата он стремился отойти на второй план. Говорил о друзьях. О том, что без них не стал бы настоящим хоккеистом.

Размышлял о том, что жизнь человеческая – это будни, дела, повторяющиеся изо дня в день, какие-то житейские мелочи, что хоккей – не только и не столько праздники – чемпионаты мира,

захватывающие поединки ЦСКА и «Спартака», сколько будни – тренировки, общение, порой ежечасное, с одними и теми же людьми. И прежде всего с партнерами по звену. Напоминал, что первое условие успеха в хоккее – психологическая совместимость всех трех форвардов. Еще лучше, если дружба.

Ценил дружбу. Берег ее. Благодарил хоккей за то, что свел его с прекрасными людьми.

Охотно рассказывал о друзьях. Пояснял: «Друг – это, по моим представлениям, человек, который всегда тебе поможет, человек, которому можно довериться в любой ситуации. Друг поймет твое настроение и поспешит принять участие в твоих заботах, если у тебя неприятности или просто плохое самочувствие».

Тянулся к детям, к семье. Любил детей. И дети тянулись к нему. И свои. И чужие.

Следил, чтобы в книгу его непременно были включены фотографии с Ирой, женой, с детьми – Сашей, Бегонией. И в последнее мгновение жизни старался помочь Ире – она была за рулем…

Его теща вспоминала: «Ира приехала с юга немного простуженной и легла спать пораньше. В это время на даче жила семья моей старшей сестры, так что нам пришлось разместиться в другой комнате всем вместе. Но Валера лег не сразу, еще чего-то с ребятами повозился, а потом пристроился рядом с Сашей на кровати. Я предложила забрать внука к себе на диван, но он не согласился. Спал он плохо, несколько раз вставал, но не пил, не курил. Просто посидит-посидит, да и снова ляжет.

Утром встали рано, позавтракали. Ира с Валерой засобирались в Москву. Ира говорит: «Валера, ты не выспался; давай я поведу машину». Тут я услышала, запротестовала: «Не давай ей руль, она без прав, да и погода вон какая хмурая». Валера меня успокоил: «Не дам, надо торопиться, хочу на тренировку к одиннадцати успеть, так что сам поведу. Да еще Сережу надо домой завезти». С ними поехал Сергей – племянник мой, он уже семейный был, из армии недавно вернулся. Короче, Валера сел за руль, и они уехали.

Я вскоре пошла в магазин за свежим хлебом. Со мной еще была сестра со своим внуком. Идем по улице, как вдруг подъезжает милицейская машина, и у сестры спрашивают, где, мол, теща Харламова живет. Я поняла: что-то случилось.

В семь часов утра на 74-м километре того же злосчастного Ленинградского шоссе «Волга» Харламова, за рулем которой к тому времени все же сидела Ирина, вылетела на встречную полосу, по которой на огромной скорости мчался грузовик.

Водитель успел только вывернуть руль вправо, и «Волга» врезалась ему в бок.

Валерий и Сергей скончались на месте. Ирина еще какое-то время была жива, ее успели вынести из машины и положить на траву, но через несколько минут умерла и она. Через десять минут после аварии приехала милиция, которая опознала в одном из погибших Валерия Харламова…

Через час после этого весть о гибели великого хоккеиста разнеслась по всей Москве. А вечером того же дня все мировые средства массовой информации объявили: «Как сообщил корреспондент ТАСС, в автокатастрофе под Москвой сегодня утром погиб знаменитый хоккеист Валерий Харламов, тридцати трех лет, и его жена. У них осталось двое маленьких детей – сын и дочь…»

Вячеслав Фетисов

Утром включили телевизоры, а там Валеркины портреты. Но тогда никто из нас толком по-английски не понимал. Так и не сообразили, что к чему. Уже потом, когда вышли на улицу и к нам стали подходить незнакомые люди и что-то говорить о Харламове, мы поняли: с Валерой случилась беда. Вечером прилетел наш хоккейный начальник Валентин Сыч и сказал, что Харламов погиб. Мы были в шоке. Все собрались и сначала хотели бросить к черту этот турнир и ехать на похороны. Но потом как-то так получилось, что решили остаться, во что бы то ни стало выиграть Кубок и посвятить победу Харламову. Так в итоге и получилось.

Анатолий Тарасов, заслуженный тренер СССР

Я часто думаю, чем же успел стать Харламов для нашего хоккея, для его неистовых поклонников, для тысяч и тысяч мальчишек? Сказать, что он был кумиром публики, в особенности юной, – этого мало. Мне кажется, что Валерий и вся когорта выдающихся игроков его поколения совершили нечто большее, нежели просто забивание шайб в ворота, пусть даже и самых сильных соперников. Своей невероятной самоотверженностью, своим искрящимся мастерством, оплаченным предельным напряжением сил и на тренировках и в матчах, своим вдохновением, глубоко одухотворенным отношением к игре они добились того, что хоккей стал восприниматься как подлинное искусство. Игра в их исполнении вызывала восторг и у специалистов, и у завзятых поклонников, и даже у тех, кто случайно оказывался на стадионе и затем прикипал душой к хоккею на всю жизнь.

И это еще не все. Игра Валерия вызывала желание подражать. Причем далеко не только в том, что касается сугубо технических его достижений, а прежде всего в том, что относилось к неукротимому его бойцовскому духу, с особой силой проявлявшемуся в играх за спортивную честь Родины. Выступая на чемпионатах мира и Европы, Олимпийских играх, сражаясь с канадскими профессионалами, Харламов никогда не чувствовал себя просто игроком, старателем на россыпях спортивной удачи. Нет, он боролся, что называется, не на живот, а на смерть за победу сборной Советского Союза. И когда под сводами ледовых дворцов звучал наш гимн, Валерий чувствовал гордость не за себя, не за команду даже, а за державу. Патриотизм советского спортсмена, советского человека был свойственен ему в самой высокой степени.

…Не знаю, чего еще сумел бы достичь Валерий, но верю, что он достиг бы новых высот и когда перестал бы играть. Он хотел учиться дальше, хотел научиться учить других и имел на то полное моральное право.

26 августа 1991 года, накануне десятой годовщины трагедии, на 74-м километре Ленинградского шоссе был установлен памятный знак: 500-килограммовая мраморная шайба, на которой была выгравирована надпись: «Здесь погасла звезда русского хоккея. Валерий Харламов». Поставило этот знак не государство,

а частное лицо: некий поклонник таланта Валерия Харламова.

7 ноября 2005 г. имя Харламова увековечено в Зале хоккейной славы в Торонто. Вместе с Владиславом Третьяком они стали единственными хоккеистами, кто был удостоен этой чести и при этом никогда не играл в НХЛ.

В сборной России и ЦСКА навечно закреплен № 17. Более никто не может выступать в ее составе под этим номером. Исключение составил только сын Валерия Харламова, Александр.

Из зарубежной прессы

Когда мы со Степлтоном откатывались назад, я был спокоен: ни один даже лучший форвард ВХА или НХЛ не рискнул бы вклиниться между нами. Без ложной скромности скажу, что менее опасно очутиться между двумя жерновами. Однако этот русский нападающий понесся на нас. Что было потом?.. Я увидел, что форвард собирается обойти меня с внешней стороны, слева. Пэт Степлтон, как потом выяснилось, заметил прямо противоположное: мол, русский хочет обойти его справа и тоже с внешней стороны. Когда же мы разъехались ловить каждый «своего» Харламова, тот проскочил между нами. И я по сей день не пойму, как этот нападающий оставил нас в дураках. Но одно я знаю точно: другого такого игрока нет…

Жан-Клод Трамбле, защитник канадской сборной в Суперсерии СССР – Канада 1974 года.

…Нападающий Валерий Харламов забросил шайбу Тони Эспозито, когда советская команда играла в меньшинстве. Еще недавно это могло бы вызвать удивление. Однако всего лишь за несколько сентябрьских дней русские, и в частности их нападающий Валерий Харламов, заставили нас посмотреть на хоккей другими глазами, оценить то, на что мы прежде не обращали внимания.

Монреальская газета «Стар».

Валерий очень трудный для защитников хоккеист, на квадратном метре он в состоянии обыграть не только одного, нескольких соперников.

Капитан сборной ЧССР Франтишек Поспишил.

С мистера Харламова, когда он на льду, нельзя спускать глаз ни на секунду. Я понял это после первой же нашей встречи осенью 1972 года, когда он забил мне два гола. Он бросал шайбу сильно, точно и, что опаснее всего, часто неожиданно.

Вратарь сборной Канады Кен Драйден.

Харламов – бриллиант нашей игры. Какой рывок с места, какой дриблинг, пас, броски – все в идеале! А ведь еще мужество, смелость!

Ульф Стернер, форвард шведской сборной.

Харламов… Когда пришла весть о его гибели, все заботы и дела жителей Гладстона отошли на второй план. Проходишь мимо людей в магазине, по улице – и слышишь только одно: Харламов… Харламов…

К. Моррисон, издатель газеты «Глэдстон эйдж пресс» провинциального городка Гладстон.

Я думаю, что любой тренер, имея в своей команде Харламова, был бы просто обязан создать с ним первоклассное звено. Харламов – на редкость широкая хоккейная личность.

Тренер канадской сборной Скотти Боумэн.

Защитникам обычно помогает изучение приемов того или иного форварда. Против Харламова это бы не помогло. Он не был во власти какой-либо устоявшейся манеры игры. Он был в хоккее исключительно свободен и предприимчив.

Защитник канадской сборной Лэррн Робинсон.

Если б я умел половину того, что мог делать Харламов, мое имя звучало бы на каждом шагу. Утром, днем и вечером.

Нападающий канадской сборной Боб Гейни.